

№ 32

(№1 2012)

февраль 2012

**ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

**СЛАВА
АРМИИ,
РОЖДЕННОЙ
ОКТАБРЕМ!**

ч | и | т | а | й | т | е

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Редакция

**НЕЗНАНИЕ ИСТОРИИ -
БОЛЕЗНЬ СМЕРТЕЛЬНО
ОПАСНАЯ**
СТР. 2 - 7

В. Подгузов

**МЕТОДОЛОГИЯ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРИЧИН РЕСТАВРАЦИИ
КАПИТАЛИЗМА В СССР**
СТР. 8 - 22

В. Новак

**К ПОЛЕМИКЕ
О СТРАТЕГИИ В
КОММУНИСТИЧЕСКОМ
ДВИЖЕНИИ**
СТР. 23 - 34

А. Лбов

**КРУЖКОВАЯ
РАБОТА И
САМООБРАЗОВАНИЕ**
СТР. 35 - 41

В. Антипов

**ПРОБЛЕМЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ГЕНЕЗИСА
«СОБСТВЕННОСТИ» И
ЕЁ МОТИВАЦИОННОГО
ПОТЕНЦИАЛА**
СТР. 42 - 49

НЕЗНАНИЕ ИСТОРИИ – БОЛЕЗНЬ СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНАЯ

Редакция «Прорыва»

Уже более двадцати лет реформируется российская рыночная демократическая армия. Суть реформы – уйти как можно дальше от опыта и содержания Красной армии, вытравить из Вооруженных Сил РФ остатки всего того, что было присуще Вооруженным Силам СССР и двигаться, во всех отношениях, к идеалам прежней, не красной армии, проникнутой духом религиозности, демократизма, добровольности, но высокой оплачиваемости. В ходе реформ планируется красные серпасто-молоткастые звезды выжечь из памяти людей и заменить их двуглавыми рыночно-демократическими орлами. Где можно, где удастся, возродится кое-какое казачество, хутора и куреня. Кони и шашки уже в почете. Устрашающе выглядят и папахи, и лампасы. В армиях вероятного противника, даже у грузинских спецназовцев, таких папах и лампасов нет. Как и при царе, закупают на Западе, как кажется министру Сердюкову и начальнику Генштаба Макарову, современные средства вооружения. Россиянам остается только спокойно... гадать, как поведет себя эта техника, да и всё наемное воинство РФ случись что.

Когда гитлеровский фашизм напал на СССР, то многое оказалось для Гитлера и его генералов абсолютно неожиданным: и стойкость воинов Красной армии, и их массовый героизм. Полным шоком для них оказались танки KV и Т-34, самолет Ил-2, реактивные установки «Катюша», количество, качество и скорость, с какой Красная Армия получала военную технику взамен утраченной в 1941 году. Если все пойдет, как планирует Макаров, то захватчики с удивлением будут рассматривать трофеи, видя свою же, но изрядно устаревшую технику.

Вероятный противник еще только размещает зенитные ракеты системы ПРО вокруг территории демократической рыночной РФ и, как Гитлер, обещает не нападать, а рыночная армия РФ уже удивительно напоминает то, чем была ее предшественница Белая армия в 1918 году. Поэтому в дни, когда все прогрессивное человечество будет отмечать день памяти легендарной и непобедимой Красной Армии, спасшей мир от мирового фашизма, хочется напомнить читателям «Прорыва», что называется, из первых рук, какой же была армия, сражавшаяся с молодой Красной Армией. Эти два раздела, взятые из мемуаров Деникина «Поход на Москву», дают полное представление о том, что было органично присуще Белой армии, и чего не было в Красной Армии, благодаря чему она победила и Белую банду, и интервентов, и мировой фашизм.

Из книги А. Деникина «Поход на Москву» ЧЕРНЫЕ СТРАНИЦЫ

Армии понемногу погрязали в больших и малых грехах, набросивших густую тень на светлый лик освободительного движения. Это была оборотная сторона борьбы, ее трагедия. Некоторые явления разъедали душу армии и подтачивали ее мощь. На них я должен остановиться.

Войска были плохо обеспечены снабжением и деньгами. Отсюда — стихийное стремление к самоснабжению, к использованию военной добычи. Неприятельские склады, магазины, обозы, имущество красноармейцев разбирались беспорядочно, без системы. Армии скрывали запасы от центрального органа снабжения, корпуса — от армии, дивизии — от корпусов, полки от дивизий... Тыл не мог подвезти фронту необходимого довольствия, и фронт должен был применять широко реквизиции в прифронтовой полосе — способ естественный и практикуемый всеми армиями всех времен, но требующий строжайшей регламентации и дисциплины.

Пределы удовлетворения жизненных потребностей армий, юридические нормы, определяющие понятие «военная добыча», законные приемы реквизиций — все это раздвигалось, получало скользкие очертания, преломлялось в сознании военной массы, тронутой общенародными недугами. Все это извращалось в горниле гражданской войны, превосходящей во вражде и жестокости всякую войну международную.

Военная добыча стала для некоторых снизу — одним из двигателей, для других сверху — одним из демагогических способов привести в движение иногда инертную, колеблющуюся массу.

О войсках, сформированных из горцев Кавказа, не хочется и говорить. Десятки лет культурной работы нужны еще для того, чтобы изменить их бытовые навыки... Если для регулярных частей погоня за добычей была явлением благоприобретенным, то для казачьих войск — исторической традицией, восходящей ко временам Дикого поля и Запорожья, прошедшей красной нитью через последующую историю войн и модернизированной временем в формах, но не в духе. Знаменательно, что в самом начале проти-

во-большевистской борьбы представители юго-восточного союза казачьих войск в числе условий помощи, предложенной Временному правительству, включили и оставление за казаками всей «военной добычи» (!), которая будет взята в предстоящей междоусобной войне (Осень 1917 г. Миссия Молдавского и подполковника Грузинова).

Соблазну сыграть на этой струнке поддавались и люди *лично* бескорыстные. Так, атаман Краснов в одном из своих воззваний-приказов, учитывая психологию войск, атаковавших Царицын, недвусмысленно говорил о богатой добыче, которая их ждет там... Его прием повторил впоследствии, в июне 1919 г., генерал Врангель. При нашей встрече, после взятия Царицына, он предупредил мой вопрос по этому поводу:— Надо было подбодрить кубанцев. Но я в последний момент принял надлежащие меры...

Победитель большевиков под Харьковом генерал Май-Маевский широким жестом «дарил» добровольческому полку, ворвавшемуся в город, поезд с каменным углем и оправдывался потом:

— Виноват! Но такое радостное настроение охватило, тогда.

Можно было сказать заранее, что этот печальный ингредиент «обычного права» — военная добыча — неминуемо перейдет от коллективного начала к индивидуальному и не ограничится пределами жизненно необходимого.

После славных побед под Харьковом и Курском 1-го добровольческого корпуса тылы его были забиты составами поездов, которые полки нагрузили всяким скарбом, до предметов городского комфорта включительно...

Когда в феврале 1919 г. кубанские эшелоны текли на помощь Дону, то задержка их обуславливалась не только расстройством транспорта и желанием ограничить борьбу, в пределах «защиты родных хат...» На попутных станциях оставались перегруженные эшелоны и занимались отправкой в свои станицы «заводных лошадок и всякого барахла...»

Я помню рассказ председателя Терского круга Губарева, который в перерыве сессии ушел в полк рядовым казаком, чтобы ознакомиться с подлинной боевой жизнью терской дивизии.

— Конечно, посылать обмундирование не

стоит. Они десять раз уже переоделись. Возвращается казак с похода нагруженный так, что ни его, ни лошади не видать. А на другой день идет в поход опять в одной рваной черкеске...

И совсем уже похоронным звоном прозвучала вызвавшая на Дону ликование телеграмма генерала Мамонтова, возвращавшегося из тамбовского рейда;

«Посылаю привет. Везем родным и друзьям богатые подарки, донской казне 60 миллионов рублей на украшение церквей — дорогие иконы и церковную утварь...»

За гранью, где кончается «военная добыча» и «реквизиция», открывается мрачная бездна морального падения, насилия и грабежа.

Они пронесли по Северному Кавказу, по всему югу, по всему российскому театру гражданской войны, наполняя новыми слезами и кровью чашу страданий народа, путая в его сознании все «цвета» военно-политического спектра и не раз стирая черты, отделяющие образ спасителя от врага.

Много написано, еще больше напишут об этой язве правды и лжи.

Боролись ли с недугом?

Мы писали суровые законы,

в которых смертная казнь была обычным наказанием. Мы посылали вслед за армиями генералов, облеченных чрезвычайными полномочиями, с комиссиями для разбора на месте совершаемых войсками преступлений. Мы — и я, и военачальники — отдавали приказы о борьбе с насилиями и грабежами, обиранием пленных и так далее. Но эти законы и приказы встречали иной раз упорное сопротивление среды, не воспринявшей их духа, их вопиющей необходимости. Надо было рубить с голов, а мы били по хвостам. А рада? Круги, казачество, общество, печать в то же время поднимали не раз на головокруглительную высоту начальников храбрых и удачливых, но далеких от моральной чистоты риз, создавая им ореол и иммунитет народных героев.

За войсками следом шла контрразведка. Никогда еще этот институт не получал такого широкого применения, как в минувший период гражданской войны. Его создавали у себя не только высшие штабы, военные губернаторы, почти каждая воинская часть, политические организации донское, кубанское или терское правительство, даже... отдел пропаганды... Это было какое-то поветрие, болезненная мания, созданная разлитым по стране взаимным недоверием и подозрительностью.

Я не хотел бы обидеть многих праведников, изнывавших морально в тяжелой атмосфере контрразведывательных учреждений, но должен сказать, что эти органы, покрыв густой сетью территории Юга, были иногда очагами провокации и организованного грабежа. Особенно прославились в этом отношении контрразведки Ки-

ева, Харькова, Одессы, Ростова (донская). Борьба с ними шла одновременно по двум направлениям — против самозванных учреждений и против отдельных лиц. Последняя была малорезультатна, тем более, что они умели скрывать свои преступления и зачастую пользовались

защитой своих, доверявших им начальников. Надо было или упразднить весь институт, оставив власть слепой и беззащитной в атмосфере, насыщенной шпионством, брожением, изменой, большевистской агитацией и организованной работой разложения, или же совершенно изменить бытовой материал, комплектовавший контрразведку. Генерал-квартирмейстер штаба, ведавший в порядке надзора контрразведывательными органами армий, настоятельно советовал привлечь на эту службу бывший жандармский корпус. Я на это не пошел и решил оздоровить больной институт, влив в него новую струю в лице чинов судебного ведомства. К сожалению, практически это можно было осуществить только тогда, когда отступление армий подняло волны беженства и вызвало наплыв

Челябинск. Участники Красной гвардии железнодорожного района. 1918 г.

«безработных» юристов. Тогда, когда было уже поздно...

Наконец, огромные расстояния, на которых были разбросаны армии — от Орла до Владикавказа, от Царицына до Киева, — и разобщенность театра войны в значительной мере ослабляли влияние центра на быт и всю службу войск.

Я прочел эти черные страницы летописи и чувствую, что общая картина не закончена, что она нуждается в некоторых существенных деталях. В разные периоды борьбы вооруженных сил Юга моральное состояние войск было различным. Различна была также степень греховности отдельных войсковых частей. Десятки тысяч офицеров и солдат — павших и уцелевших — сохраняли незапятнанную совесть. Многие тысячи даже и грешников, не будучи в состоянии устоять против искушения и соблазнов развратного времени, умели все же жертвовать другим — они отдавали свою жизнь.

Черные страницы армии, как и светлые, принадлежат уже истории. История подведет итоги нашим деяниям. В своем обвинительном акте она исследует причины стихийные, вытекавшие из разорения, обнищания страны и общего упадка нравов, и укажет вины: правительства, не сумевшего обеспечить армию; командования, не справившегося с иными начальниками; начальников, не смогших (одни) или не хотевших (другие) обуздать войска; войск, не устоявших против соблазна; общества, не хотевшего жертвовать своим трудом и достоянием; ханжей и лицемеров, цинично смаковавших остроумие армейской фразы — «от благодарного населения» — и потом забросавших армию камнями...

Поистине нужен был гром небесный, чтобы заставить всех оглянуться на себя и свои пути.

РАЗВАЛ ТЫЛА

Развал так называемого тыла — понятие, обнимающее, в сущности, народ, общество, все невоюющее население, — становился поистине грозным. Слишком узко и элементарно было бы приписывать «грехам системы» все те явления, которые, вытекая из исконных черт нации, из войны, революции, безначалия, большевизма, составляли непроницаемую преграду, о которую не раз разбивалась «система».

Классовый эгоизм процветал пышно повсюду, не склонный не только к жертвам, но и к уступкам. Он одинаково владел и хозяином, и работником, и крестьянином, и помещиком, и про-

летарием, и буржуем. Все требовали от власти защиты своих прав и интересов, но очень немногие склонны были оказать ей реальную помощь. Особенно странной была эта черта в отношении большинства буржуазии к той власти, которая воссоставляла буржуазный строй

**Личный конвой командующего
Добровольческой армией у штабного
вагона генерала В.Май-Маевского**

и собственность. Материальная помощь армии и правительству со стороны имущих классов выражалась ничтожными в полном смысле слова цифрами. И в то же время претензии этих классов были весьма велики...

Долго ждали мы прибытия видного сановника — одного из немногих, вынесших с пожара старой бюрократии репутацию передового человека. Предположено было привлечь его в Особое совещание. Прибыв в Екатеринодар, при первом своем посещении он представил мне петицию крупной буржуазии о предоставлении ей под обеспечение захваченных советской властью капиталов фабрик и латифундий, широкого государственного кредита. Это значило принять

на государственное содержание класс крупной буржуазии, в то время как нищая казна наша не могла обеспечить инвалидов, вдов, семьи воинов и чиновников...

Чувство долга в отношении отправления государственных повинностей проявлялось очень слабо. В частности, дезертирство приняло широкое, повальное распространение. Если много было «зеленых» в плавнях Кубани, в лесах Черноморья, то не меньше «зеленых» — в пиджаках и френчах — наполняло улицы, собрания, кабаки городов и даже правительственные учреждения.

Борьба с ними не имела никакого успеха. Я приказал одно время принять исключительные меры в пункте квартирования ставки (Екатеринодар) и давать мне на конфирмацию все приговоры полевых судов, учреждаемых при главной квартире, о дезертирах. Прошло два-три месяца; регулярно поступали смертные приговоры, вынесенные каким-нибудь заброшенным в Екатеринодар ярославским, тамбовским крестьянам,

которым неизменно я смягчал наказание; но, несмотря на грозные приказы о равенстве классов в несении государственных тягот, несмотря на смену комендантов, ни одно лицо интеллигентно-буржуазной среды под суд не попадало. Изворотливость, беспринципность, вплоть до таких приемов, как принятие персидского подданства, кумовство, легкое покровительственное отношение общественности к уклоняющимся служили им надежным щитом.

Не только в народе, но и в обществе находили легкий сбыт расхищаемые запасы обмундирования новороссийской базы и армейских складов...

Спекуляция достигла размеров необычайных, захватывая в свой порочный круг людей самых разнообразных кругов, партий и профессий: кооператора, социал-демократа, офицера, даму общества, художника и лидера политической организации. Несомненно, что не в людях, а в общих явлениях народной жизни и хозяйства коренились причины бедствия — дороговизны и неразрывно связанной с ней спекуляции. Их вызвало общее расстройство денежного обращения и товарообмена, сильное па-

дение труда и производительности и множество других материальных и моральных факторов, привнесенных войной и революцией. Торгово-промышленный класс видел средство «вырвать торговлю из рук спекулятивных элементов» в «широкой поддержке государственным кредитом, оказываемой крупным и солидным торговым организациям...» Но и этот способ возбуждал в нас известное сомнение, принимая во внимание ту суровую самокритику, которую вынесли сами представители класса: «...совещание считает своим долгом указать на угрожающее

падение нравственного уровня во всех профессиях, соприкасающихся с промышленностью и торговлей. Падение это охватило ныне все круги этих профессий и выражается в непомерном росте спекуляции, в общем упадке деловой морали, в страшном падении производительности труда...» (Из резолюции торгово-промышленного совещания в Ростове. Октябрь, 1919 г.)

Обыватель не углублял причин по-

стигнутого его бедствия. Он видел их только в спекуляции и в спекулянтах, против которых нарастало сильнейшее и справедливое возбуждение. Под влиянием этих общественных настроений я предложил управлению юстиции выработать законоположение о суровых карах за злостную спекуляцию. Н.В. Челищев затрундился выполнить это поручение, считая, что самое понятие «спекуляция» имеет столь неясные, расплывчатые формы, что чрезвычайно трудно регламентировать его юридически, что в результате могут получиться произвол и злоупотребления. Я провел все-таки через военно-судебное ведомство в порядке верховного управления «временный закон об уголовной ответственности за спекуляцию», каравший виновных смертной казнью и конфискацией имущества. Бесполезно: попадалась лишь мелкая сошка, на которую не стоило опускать карающий меч правосудия.

Лишь оздоровление народного хозяйства могло очистить его от паразитов. Но для этого кроме всех прочих условий нужно было время.

К. Е. Ворошилов и С. М. Будённый

Казнокрадство, хищения, взяточничество стали явлениями обычными, целые корпорации страдали этим недугом. Ничтожность содержания и задержка в его получении были одной из причин этих явлений. Так, железнодорожный транспорт стал буквально оброчной статьёй персонала. Проехать и отправить груз нормальным путем зачастую стало невозможным. В злоупотреблении проездными «литерами» принимали участие весьма широкие круги населения. В нем, например, избалованы были в свое время и состав редакции столь демократической «Родной земли» Шрейдера, и одна большая благотворительная организация, которая распродавала купцам предоставленные для ее нужд «литеры» по договору, обусловливавшему ее участие в 25 % чистой прибыли... Донское правительство, отчаявшись в получении хлеба с Кубани, поручило закупку его крупному дельцу Молдавскому. Хлеб действительно стал поступать массами, хотя и обошелся донской казне чрезвычайно дорого. При этом вся Кубань и все железные дороги края были покрыты контрагентами Молдавского, которые по таксе и по чину совершенно открыто платили попутную дань всей администрации, от станичного писаря и смазчика до... пределов не знаю. В Кубанской раде поднят был даже вопрос о том, что «Молдавский развратил всю администрацию». Мне кажется, однако, что сетования Рады были не совсем основательны; лиходеатели и лихоимцы только дополняли друг друга на общем фоне безвременья.

Традиция беззакония пронизывала народную жизнь, вызывая появление множества авантюристов, самозванцев — крупных и мелких. Для характеристики приведу несколько незначительных, но характерных эпизодов, задевавших непосредственно меня...

В одесской контрразведке подвизался в темных делах какой-то чин, именовавшийся моим родствен-

ником и приобретший служебный иммунитет... Такую же роль играла на черноморских курортах какая-то дама, назвавшаяся моей сестрой... Во время переезда по Азовскому морю одна неизвестная мне особа, предполагая скорое разрешение от бремени, принудила капитана большого пассажирского парохода изменить маршрут, назвавшись моей племянницей...

Однажды в управление земледелия обратился полковник (фамилии его не помню) с запиской от группы, в составе которой была названа моя фамилия, генерала Лукомского и других известных и неизвестных лиц, числом около 50, в том числе и автора записки. Группа указывала на необходимость колонизации Черноморья и наделения участками казенных дач лиц, оказавших услуги Отечеству, в первую очередь членов группы. Управление в спешном порядке занялось этим делом и готовило соответствующее представление в Особое совещание.

Когда я узнал об этом эпизоде, я приказал разыскать полковника и посадить его под арест. Произведенное расследование обнаружило, что он не вполне нормален...

Все эти факты не вытекали из «системы». Это была давняя и

прочная традиция.

В городах шел разврат, разгул, пьянство и кутежи, в которые очертя голову бросалось и офицерство, приезжавшее с фронта.

— Жизни — грош цена. Хоть день, да мой!..

Шел пир во время чумы, возбуждая злобу или отвращение в сторонних зрителях, придавленных нуждой, — в тех праведниках, которые кормились голодным пайком, ютились в тесноте и холоде реквизированной комнаты, ходили в истрепанном платье, занимая иногда очень высокие должности общественной или государственной службы и неся ее с величайшим бескорыстием. Таких было немало, но не они, к сожалению, давали общий тон жизни Юга...

А. И. Деникин

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИЧИН РЕСТАВРАЦИИ КАПИТАЛИЗМА В СССР

Валерий Подгузов

О ДИАМАТИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ПРОБЛЕМЕ ВЫЯВЛЕНИЯ СУЩНОСТИ ПРИЧИНЫ КАК ТАКОВОЙ

Сомневаюсь, что, прочитав статью Н.О.Архангельской: «О некоторых причинах реставрации капитализма в СССР»¹, кто-нибудь сможет четко выделить эти «некоторые причины», тем более, что автор сама не смогла ни сформулировать их, ни определить главную из них, а, следовательно, не составила представление о главной ошибке КПСС, не выявив которую, невозможно построить коммунизм в любой стране, в том числе, например, и в современном Китае. Налицо, приобретенный за годы реформ, синдром заразной демократической рыночной безответственности в теории. Свобода рассуждений - всё, конечный продукт исследования - ничто.

Тем не менее, к числу сильных сторон статьи, могущих принести некоторую пользу читателям, следует отнести то, что в ней без искажений представлены многочисленные исторические факты определенного фрагмента истории СССР.

Однако, поставив перед собой задачу найти

некоторые ПРИЧИНЫ реставрации капитализма в СССР, Архангельская не стала объяснять читателю, что это значит - найти ПРИЧИНУ. Автор не учла, что, после проведения реформ Фурсенко, в школах и вузах РФ этому вообще не учат. Из контекста статьи следует, что автор считает, что, приводя факты недавней истории, она, тем самым, и демонстрирует «причины». Дескать, принял ЦК в таком-то году такое-то решение - вот вам и причина. А почему ЦК принимал подобные решения с завидным постоянством, начиная с периода правления Хрущева, остается невыясненным, что грозит повторами худшей беспринципности в экономической политике. Именно это и происходит в руководстве, например, КПРФ, РКРП и КПУ.

На мой взгляд, Архангельская, как и большинство современных авторов левого толка, если и обладает кое-какими навыками поверхностного, фактоскопического исследования, то понимает его лишь в пределах первого этапа познания, т.е. анализа - «разделение единого». Однако вторая, минимально необходимая операция, «синтез», вообще не освоена автором и потому ни одного доказанного, а тем более общего вывода о причине реставрации капитализма, автор сформулировать не смогла.

Берясь за просвещение читателей в XXI веке, автор ни на миллиметр не продвинулась вперед

1. Статья Н.О.Архангельской «О некоторых причинах реставрации капитализма в СССР» была опубликована на сайте РКСМ(б) (<http://rksmb.org/get.php?5009>) 20 декабря 2011 г.

по сравнению с теми, кто тоже работал над этой проблемой в веке XX-м. К списку авторов, который привела Архангельская, можно добавить и Хабарову, и Губанова, и Якушеву, и Хорева, и Тюлькина и Ампилова, которые тоже писали на эту тему и тоже не убедили никого, даже друг друга. Более того, все партийные документы, которые привела Архангельская, существуют в архивах, в библиотеках, т.е. информация, приведенная Архангельской (в очередной раз), существует в доступном виде, читана и перечитана, не раз и не два публиковалась во всех СМИ и в своё время, и позднее, но не произвела никакого впечатления ни на членов КПСС, ни на обывателей. Странно, что автор не видит этого обстоятельства и вновь использует многократно использованные **факты**.

Поэтому необходимо специально разъяснить читателям «Прорыва» то, что не понимают, к сожалению, ни в РКРП, ни, тем более, в РКСМ(б) в вопросах диаматики причинно-следственных связей.

В философии марксизма категория **ПРИЧИНА** принята для обозначения не просто **конкретного** исторического **факта**, предшествующего событию (в лучшем случае это называется предпосылкой или поводом), а, прежде всего, **фактора**, достигшего определенной степени зрелости и находящегося в **единстве** со своей противоположностью, а потому в состоянии **борьбы** с ней, **отрицая** её, что и придает **СЛЕДСТВИЮ** строго **определённый, конкретный** характер, и относительно **устойчивый** вид. Проще говоря, борьба и только борьба может быть причиной того или иного следствия. Ничто в мироздании не возникает без борьбы, понимаемой диаматически. В свою очередь, борьба возникает там и тогда, где и когда имеет место тождество и единство противоположностей.

Следствие не может возникнуть иначе, как только через единство, тождество и борьбу противоположных факторов. В свою очередь, ход и исход борьбы любых противоположностей зависит от соотношения их потенциалов, т.е. сил. В неживой природе соотношение сил формируется стихийно и только объективно. В обществе соотношение сил формируется с **неотменяемым** участием **сознания**, независимо от степени его развитости и адекватности. Но, естественно, уровень адекватности сознания не может не играть существенной конструктивной или деструктивной роли в процессе формирования

соотношения сил противоборствующих сторон в обществе. Исторический процесс не есть простая последовательность фактов. Любой факт сам есть продукт причины, т.е. противоборства противоположностей, и именно их должен уметь выявлять приверженец диаматики.

Каково же соотношение факта и фактора в реальной действительности? **Фактом**, например, является экономическая забастовка пролетариев, независимо от её масштаба. Ясно, что единичная экономическая забастовка никогда не выходила за рамки локального события и не может быть причиной крушения капитализма. Однако вялотекущий, но хронический процесс локальных экономических забастовок пролетариев за последние триста лет превратился в **фактор**, придающий всей классовой борьбе тенденцию, вполне устраивающую класс предпринимателей. Если, порой, некоторым профсоюзам и удавалось организовать «общенациональную» забастовку, например, водителей грузовиков, как это было в Чили в 1973 году, скоординированную по времени и цели (свержения правительства Альенды), или «общенациональную» забастовку одних лишь железнодорожников и, например, только во Франции, то ни одна из подобных «общенациональных» забастовок не привела к устранению ПРИЧИН неуклонного ухудшения положения пролетариата в мире. Более того, «общенациональная» экономическая забастовка советских шахтеров в 1990 году привела к... реставрации капитализма в СССР. Для самих шахтеров это закончилось феноменальным ростом смертности в забоях, ростом безработицы и падением уровня благосостояния. Но, такова «тоже логика» экономической формы «борьбы».

Современные профбоссы, находящиеся на содержании крупного капитала, не могут допустить проведения действительно общенациональной скоординированной забастовки ВСЕХ профсоюзов одновременно, не уничтожив, тем самым, источник своего персонального благосостояния - капитализм. Не будет преувеличением сказать, что капитализм существует несколько сот лет ещё и потому, что экономические забастовки, всегда организовывались профбоссами так, что они постоянно повышали квалификацию капиталистов в их борьбе за разобщение рабочего движения, за ампутацию политической составляющей этого движения. Такова, вкратце, **иллюстрация** соотношения факта и фактора в историческом процессе.

Скачок в развитии общества происходит не

в результате имевшего место локального факта, а в результате вызревания объективных и субъективных факторов скачка **качества** чего-либо. Каждая причина порождает следствие, но не каждый факт является причиной. Большинство, вольных или невольных, бернштейнцев, хвостистов, в силу их методологической кастрированности, всю свою энергию, а иногда, и саму жизнь кладут на алтарь участия в первом и последнем факте своей борьбы. После первого обстрела, тем более, поражения, избития или отсидки, как показывает вековая практика, сторонники экономических форм борьбы или окончательно выпадают из борьбы, ударяются в богостроительство или, фактически, перебегают на сторону противника. Поскольку экономическая забастовка не содержит в своем замысле политических составляющих, она не может дать ничего конструктивного для принципиального решения социальных проблем наемных рабочих.

Коль скоро диаматика обязывает рассматривать все явления **во всем** объеме их связей, в том числе, и пространственных и временных, постольку выявление причины не может быть ограничено даже выявлением фактора как такового, вне его пространственно-временных характеристик, вне качественного и количественного анализа, т.е. вне полного диаматического контекста предпосылок его вызревания. Кроме того, выявить причину возникновения какого-либо следствия, это значит, помимо рассмотрения собственно ведущего объективного фактора, **доказать** состоятельность применяемого автором **МЕТОДА** исследования противоборствующих факторов.

В общественной жизни фактор развивается и приводит к необходимым последствиям только в том случае, когда имеет место **рост количества** его элементов **строго определенного КАЧЕСТВА**. Если, например, количество **настоящих** большевиков в партии **растет**, то процесс строительства коммунизма, как следствие вышеозначенной причины, будет протекать успешно. Практика доказала, что, как бы динамично не росло число формальных **членов** в КПСС, при их постепенном сползании с позиций большевизма на позиции личного карьеризма, технократизма, экономизма и хвостизма, время построения коммунизма будет только отдаляться, а капитализм будет наращивать свой послужной исторический список мировых и локальных колониальных войн, кризисов, банкротств, фашистских переворотов, терроризма, геноцида, аморализма.

Быть диаматиком, это значит - видеть причину в её движении и развитии. Попытка выявить причину, игнорируя движение порождающих её противоположностей, т.е. абсолютные и относительные темпы развития взаимодействующих факторов, подобна попытке понять **причины** возникновения биологической, а тем более, социальной форм движения на Земле, через исследование одной резиновой куклы эпохи демократии.

Следовательно, под словом **причина** следует понимать, прежде всего, **ТЕМПЫ развития противоположных факторов**, вовлеченных естественно историческими обстоятельствами в единство и борьбу, следовательно, в процесс отрицания отрицания. Само отрицание (момент скачка) немислимо иначе как **следствие ДВИЖЕНИЯ**, т.е. объективного накопления количественных изменений, приводящих к качественному скачку.

Субъектам, недооценивающим роль диаматического закона **движения** количественных и качественных характеристик противоположностей при исследовании **причин**, может показаться, что причиной, например, прибытия субъекта из точки А в точку Б является сам факт наличия у него автомобиля. На самом же деле, прибытие автовладельца в точку Б состоится только в том случае, если автомобиль будет **ДВИГАТЬСЯ все** необходимое время и **ПРОЙДЕТ весь** путь, противоборствуя с пространством и временем. Если же у нашего владельца «авто» есть ещё и конкурент, то он вообще может не добраться до пункта Б, и тогда недостаточность первого предположения, что автомобиль является **исчерпывающей причиной** прибытия в точку Б, становится еще очевиднее. Если даже абстрагироваться от практики заказных убийств, то, в зависимости от различий в водительском мастерстве хозяев «авто», один из конкурентов прибывает в точку Б раньше другого и сделает, тем самым, прибытие другого конкурента вообще бессмысленным. Проигравший мог бы не ехать с самого начала, но он не ведал до самого финиша, что обладает худшим **комплексом** факторов для движения с необходимой скоростью. Именно более **низкий уровень понимания** одним из конкурентов того, что победа достигается не в результате самого факта наличия в его распоряжении средства передвижения, а в результате мобилизации **всего** комплекса **необходимых** факторов для достижения превосходства над конкурентом в самом **движе-**

нии, при достаточном понимании механизма достижения превосходства над конкурентом в ходе **подготовки** к перемещению, и приводит одну из противоборствующих сторон к поражению.

Разумеется, найдутся читатели, которые потребуют уточнить пример до мельчайших деталей, вплоть до марок автомобиля, частоты вращения коленчатых валов и т.п., с чем часто сталкиваются учителя средних школ, если неосторожно предлагают детям какую-либо иллюстрацию к какому-нибудь нудному учебному предмету. Найдутся и такие, которые приведут старинную поговорку: тише едешь, дальше будешь.

Но диаматик, коль скоро он исходит из признания первичности бытия по отношению к поражению, следовательно, первичности объективного по отношению к субъективному, при осмыслении любой проблемы, относится к фактору времени как к объективному и не повторяет за эйнштейнцами ту глупость, что было время, когда времени не было. Процесс **развития** общества обуславливается не самим фактом наличия противоположностей и даже не самим фактом их противоборства, а тем, какими ТЕМПАМИ происходит формирование этих факторов во времени и пространстве. В свою очередь, темпы развития событий, т.е. момент скачка и его социальная направленность, определяется темпами созревания одного из факторов, который именно в силу превосходства динамических характеристик превращается в **ведущую** силу данной фазы противоборства противоположностей.

Маркс теоретически доказал, что индивиды не могут ускорить историю, но они могут приблизить темпы развития событий к **оптимальным**. И наоборот. Индивиды не могут остановить историю, как бы не старались, но тормозить этот процесс, как показала практика, отдельным индивидам иногда удается. Особенно эта роль удалась, например, Герострату, Нерону, Каллигуле, Чингиз-хану, Деникину, Гитлеру, Войтыле, Солженицыну, Горбачеву, Ельцину, Гайдару, Новодворской, Алексею II. Теперь на этом поприще напряженно трудится Кирилл, не отстаёт от него и Немцов.

Ясно, что количественная определенность и пространственная распространенность одного из факторов тем выше, чем выше **темпы** его развития. Следовательно, капитализм может загнивать сколь угодно долго, если противоположный ему фактор, большевизм, решает задачи наращивания необходимого качества своей партии **медленнее**, чем капитализм приспособляет-

ся к темпам развития рабочего и коммунистического движения. А рабочее движение, в свою очередь, **развивается** тем медленнее, чем быстрее большевизм вымывается из рабочего движения ростом количества сторонников экономизма в партиях, носящих название «коммунистическая».

Как показала история, это обстоятельство понимали и понимают наиболее начитанные сторонники капитализма из фондов Нобеля, Криббла, Сороса. Невозможно представить, чтобы отпетые предприниматели, привыкшие покупать все «удовольствия» жизни и оплачивать самые немыслимые мерзости, «вдруг» изменили своему принципу. Они, как и многие их собратья по паразитическому образу жизни, не пожалели сотен миллионов долларов на проведение своей кадровой политики в интеллигентских, профсоюзных, политических партийных средах, на талибов и «алькаиду», на осуществление оранжевых, розовых, тюльпановых, бархатных революций и арабской весны. На их деньги жили, живут и тормозят прогресс общественного сознания во имя интересов олигархов такие словоблуды России как, например, Пастернак, Солженицын, Бродский, Алексеева, Ерофеев и многие другие примаки американизированных литературных премий и грантов.

Поскольку социальные слои общества и качественно, и количественно развиваются неравномерно, то диаматику ничего не остается, как предположить, что одна из противоположностей в конкретных исторических условиях неизбежно превратится в **ВЕДУЩИЙ** фактор **современности**.

Например, буржуа и пролетарий тождественны как товаровладельцы, но разница качества товаров в их распоряжении приводит к тому, что ведущей стороной их единства является предприниматель, поскольку он имеет огромное количество свободного времени для совершенствования своего предпринимательского и политического мастерства. В результате происходит динамичная концентрация, централизация, т.е. монополизация именно **капитала** в руках немногих предпринимателей, а не жалкой **заработной платы** в руках мельчайших собственников товара «рабочая сила», поскольку у собственников товара «рабочая сила», после трудового дня, уже не остается сил на решение каких бы то ни было интеллектуальных и политических «задачек».

При росте одного лишь экономического **сопротивления** пролетариев, капиталист может

и потерпеть, понести копеечные для него убытки в несколько сотен миллионов долларов, зная, что пролетарии, ведомые вождями-оппортунистами, сотни лет лишь шантажировали предпринимателей, но не собирались менять порядок вещей коренным образом, как и не собираются сегодня «утилизировать» **пролетарский** класс в ведущую сторону рыночного тождества, т.е. в реально борющийся **рабочий** класс. Поэтому, в условиях экономических забастовок, капиталисты лишь несколько откладывают момент покупки товара «рабочая сила» до тех пор, пока собственники рабочей силы не наголодаются и вновь не станут предельно покладистыми. Пока у капиталистов получается лучше, чем у КПРФ и РКРП.

Однако, как показала история, при переходе пролетариев к политической и **только к политической** форме борьбы, носители товара «рабочая сила» превращаются в рабочий класс, т.е. в ведущую сторону данного тождества, самодостаточную, поскольку, во-первых, именно рабочие реально приводят в движение **ВСЕ** средства производства, а во-вторых, в условиях развития политической борьбы, предприниматель уже не способен покупать рабочую силу, поскольку в ходе борьбы за власть наемные рабы начинают преодолевать синдром своей непредумышленной исторической «безальтернативной» продаваемости. Если рыночные демократические чиновники протитуированы по убеждению и продаются при каждом удобном случае, любому, то рабочих загоняет в цеха угроза голодной смерти их детей. Иными словами, вся сумма факторов рыночной демократии обрекает большую часть пролетариев на роль придатка, прикованного к рабочему месту.

Рабочие переходят к политической борьбе только тогда, когда они, под воздействием мерзости рыночного быта и благодаря грамотной, разъяснительной работе коммунистов, уже осознали бесперспективность своего наемного рабства и то, что, без рабочих, предприниматели объективно абсолютно не способны привести в действие приватизированные ими средства производства. Пока же мы переживаем тот трагикомичный период, когда все экономические сводки свидетельствуют о принципиальной никчемности и вопиющей безграмотности всех частных владельцев основных средств производства планеты, об абсолютном паразитизме всей банковской системы, однако не только рабочие, но и партийная интеллигенция всё ещё не могут трез-

во взглянуть на несколько пропагандистских клише о блеске рыночной экономики, забытых в их сознание рыночными **наемными** СМИ. Иными словами, при объективной автодеградации капитализма и самодискредитации рыночных «регуляторов», уровень научно-теоретического потенциала современного коммунистического руководства существенно ниже уровня 1917 года. Россия, пока, без большевиков.

В этой ситуации повод для оптимизма внушает лишь ход объективного развития капитализма в РФ и в мире, порождающего все большие противоречия между предпринимателями и рейдерами, между европейцами внутри ЕЭС, между Европой и Америкой, между индустриальными и постиндустриальными странами. Впервые в истории Америки достаточно представительные массы людей пришли к выводу о вопиющей некомпетентности воротил с «сити» и всей американской администрации. Как говорил Ленин, капитализм невозможно было бы свергнуть, если бы его не подмыла сама история.

Знаток диаматики не удивляет, например, что однойцовые близнецы тождественны как прямоходящие млекопитающие, и только в этом качестве - неотличимы. Но в торговле они же - непримиримые **конкуренты**, сколько бы нас не убеждали, что они могут быть и компаньонами. Поэтому задолго до свержения всего класса капиталистов они вынуждены последовательно пожирать друг друга, сокращая численность класса под вопли о необходимости поддержки постоянно пожираемых мелких бизнесменов и много о себе мнящих, но постоянно оказывающихся в роли обманутых вкладчиков и дольщиков, представителей «среднего класса».

Искренний компаньон в рыночной экономике – пасторальный мифический эпизод, конкурент – реальная всеохватывающая система отношений рыночного стада. Современная криминальная хроника день за днем наглядно демонстрирует коварство и кровожадность всех рыночных «компаньонов». Например, «загадочная» смерть Влада Листьева, ещё более «загадочная» кончина Бадри Патаркацишвили на фоне судебных тяжб его компаньонов, Березовского с Абрамовичем, - убедительная иллюстрация цены компаньонства в системе рыночной демократии.

Часть современных предпринимателей, стремящихся утвердить корпоративные отношения в системе частной собственности, на самом деле, понимают, что только **один** из множества компаньонов, с самого начала, является объективно

ведущим и, в конечном итоге, побеждающим. Но, чтобы победить своих конкурентов внутри корпорации, нужно хоть на время убедить профсоюз в том, что все они являются компаньонами и, что, якобы, корпоративный интерес является условием победы над внешними конкурентами. Кто изучал труды Карнеги, Сороса, тот прекрасно понимает всю эту «механику». Кто прочнее уверовал в идею корпоративности, тот и... проигрывает больше всех. Он старается сделать искренний вклад в дело процветания корпорации, но все плоды побед достанутся тому, кто с самого начала верил лишь в конкуренцию. После того, как «корпорация» одержит победу над внешним конкурентом, начнется «разборка» в стане победителей, возможно, с корпоративным избиванием слабейшего или сильнейшего звена внутри «корпорации», в зависимости от тактического мастерства претендента на монополию.

Данным примером иллюстрируется та диалектическая истина, согласно которой, не само единство противоположностей, а соотношение их объективного содержания, постоянно меняющего свою качественную и количественную определенность, обрекает борьбу на строго определенный результат, т.е. на конкретное следствие.

О ДИАМАТИКЕ ОБЪЕКТИВНОГО И СУБЪЕКТИВНОГО В ХОДЕ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРИЧИН РЕСТАВРАЦИИ КАПИТАЛИЗМА В СССР

Может возникнуть вопрос, а тождественны ли субъективное и объективное? Диалектика отвечает утвердительно. Умственно здоровых людей рассуждения об объекте всегда, в конечном итоге, приводят к постижению сущности исследуемого объекта. Субъективно сформулированные истины, с точки зрения степени их адекватности объекту отражения, тождественны объективному содержанию предмета исследования и, в то же время, противоположны ему, поскольку мысль, как бы она не была точна, остается мыслью об объекте, но не самим объектом. Иной вопрос, что адекватное мышление, как неотъемлемое СВОЙСТВО личности, объективно трансформирует самого субъекта,

ставит его в иные отношения с окружающим миром, тем не менее, образно говоря, мысль есть форма упорядочения атомов или электронов (особенно ясно это проявляется себя в магнитных носителях), но не генерация атомов из самой мысли.

В советских школах и ВУЗах за знания, не тождественные объективной действительности, твердо и обоснованно ставили двойки. В демократических рыночных условиях, особенно с введением ЕГЭ, положительные оценки по итогам тестирования, в значительном количестве случаев, ставятся за взятки. В этих случаях, рыночные педагоги вообще не обращают внимание на то, откуда взят ответ: из библии, википедии или учебника.

Объективные факторы, как известно, не зависят от сознания, но сознание, даже адекватное, зависит от содержания объективного общественного бытия и не включает в себя ничего, чего не содержалось бы в объективной реальности. Заметим, попутно, что адекватным может быть только то сознание, носители которого не пытаются объяснить проблемы бытия с позиций заблуждения, в т.ч. эйнштейнианства, т.е. махизма в физике и, отрицающих друг друга, ветвей богословия. Многие планеты, как показывают космические исследования, обходятся без признаков наличия человеческих форм сознания. И ничего. А человеческое сознание существует только благодаря свойству материи к отражению всех форм собственного бытия и, пока, сознание проявляет себя явно лишь в строго определенных, прежде всего, земных условиях бытия материи. Самое большее, на что рассчитывает мировое научное сообщество, - это на наличие на Марсе хотя бы плесени. И будет чрезвычайно удовлетворено этим открытием.

Объективное и субъективное находится в неразрывном единстве и, естественно, борьбе, суть которой можно понять только диалектически. Забавно будет выглядеть сознание, если из него выхлостить все сведения о материальном мире. Получится внутренний мир бесконечно беднее, чем у слепо-глухо-немого новорожденного. Развитие слепо-глухо-немых человеческих особей до сих пор происходило лишь благодаря накоплению сведений об окружающем материальном мире, поступивших в их сознание через органы осязания. Многообразие материального мира и предопределяет богатство эмоций и знаний, задач и функций, связей и отношений, возникающих в человеческом обществе.

Тезис о первичности материи и вторичности

сознания в отрыве от рассмотрения их как **тождества**, как формы **единства** противоположностей, абсолютно бесплоден. Эта формулировка работает лишь как пароль для каждого, кто хочет войти в прихожую диалектического материализма. Однако, пройдя «врата» науки, углубляясь в её просторы, козырять этим паролем так же бесполезно и опасно, как и размахивать купленным дипломом, предлагая свои услуги в качестве, например, главного инженера на «Фокусиме-1».

Каждый из факторов общественного развития играет свою роль в рамках причинно-следственных связей. Объективные факторы – бескомпромиссны и, поэтому, история человечества, развиваясь синусоидально в рамках частнособственнических исторических эпох, **от одной крайности к другой**, в интегральном итоге, носит **поступательно-прогрессивный**, хотя, в силу массового невежества, преимущественно, драматический характер. Субъективные факторы, прежде всего, познание, медленно двигаясь от **неведения и заблуждений к истине**, обрекают процесс практического развития общества, образно говоря, на «большие волны Кондратьева». В эпоху господства принципа частной собственности обывателями, подчас, овладевали и овладевают совершенно идиотские религиозные, экономические и политические «идеи». Осуществляя их, массы людей достаточно стремительно двигались и двигаются в направлении, выбранном наугад по воле **большинства некомпетентных** избирателей, депутатов и президентов и, только зайдя в болото по горло, меняют вектор движения, становясь под знамена очередного религиозного фанатика, типа Моисея, или религиозного демагога, типа Гапона, с тем же «успехом». Т.е. синусоидальный, а во многих случаях, суицидальный тип развития современного общества, как материи особого рода, наделенной относительно более развитым потенциалом отражения по сравнению с другими формами материи, но использующей этот потенциал лишь на несколько процентов от его возможностей, является лишь частным случаем природных волновых процессов, составляющих основу форм движения **деинтеллектуализированных** пластов мироздания.

Тем не менее, общественные **колебания** прошедших исторических эпох (от крайне реакционных общественных форм к относительно прогрессивным) **доказывают** наличие **активной** силы (творящей или тормозящей) в субъективном факторе, способность его, в одних слу-

чаях, оптимизировать события (с точки зрения темпов развития прогрессивных изменений), а в других случаях, тормозить развитие общества, удерживая его в рамках реакционных тенденций.

В географических широтах, в которых миллионами лет не наблюдается сдвигов в интеллектуальном развитии прямоходящих млекопитающих, в пределах тех же миллионов лет не происходило и социального развития, хотя каждодневный труд с применением орудий труда имел и имеет место. Человек не способен изобрести новое орудие труда раньше, чем откроет для своего сознания новые свойства окружающего его материального мира и увидит в этих свойствах подсказку, позволяющую использовать свойства материи для подъема производительности труда. Подняв производительность труда за счет новых орудий труда, изменив объем и повысив качество производимой продукции, человек ищет новые формы социальных, в том числе, и экономических отношений. Но не раньше, чем в мозгу сложатся первичные **туманные** представления о необходимости и возможности этих отношений.

Всё это позволяет сделать вывод, что развитие материи порождает сознание, а сознание приводит объективные материальные силы **общества**, его производительные силы, в новые, сознательно синтезированные формы движения. Но всякие отклонения общественного сознания от объективных законов движения самой материи обрекают принятые решения и осуществленные деяния на провальный результат. В свою очередь, объективно трагические уроки человеческой истории вынуждают общественное сознание пересматривать свои предыдущие решения и, что главное, не только уходить от их повторения или искать беспринципно «иные» решения, но и все более целенаправленно искать решения, в которых заложена **логика**, по-евклидовски добросовестная. Сегодня в движении части российского электората четко наметился путь политического движения «от Путина»... в никуда. Но большинство участников болотного движения не замечает этого абсурда, как не замечают гнилости своих доводов и участники символического митинга на Поклонной горе.

Множество продуктивных решений уже найдено классиками марксизма-ленинизма, победоносно апробировано, прежде всего, Лениным и Сталиным. Но теперь эти теоретические, гениально сформулированные «рецепты побед» и описания победоносного опыта пылятся на книжных

полках. Невольникам митинговой и экономической форм сопротивления сегодня абсолютно не хватает времени, чтобы выполнить наказ классиков, гласящий, что, с тех пор, как коммунизм стал наукой, к нему необходимо относиться, как к науке, т.е. изучать и развивать её. В результате мы наблюдаем катастрофическое понижение теоретической культуры в среде, так называемых, современных лидеров коммунистического движения. То мы видим Зюганова у пояса богородицы, то Ампилова, выпросившего себе выступление после Жириновского на трибуне ЛДПР, то Удальцова во вторых рядах президиума митинга, организованного ярыми ненавистниками коммунизма на Болотной площади, то Тюлькина, погрязшего в экономизме, хвостизме, сливающей свою партию, некогда претендовавшую на авангардность, в самые беспринципные объединения, ради регистрации и кресел в Думе.

Таким образом, выявляя главную причину реставрации капитализма в СССР, коммунистам необходимо вскрыть субъективные факторы, т.е. **СВОЮ ВИНУ**, приведшую к столь печальному следствию. Разумеется, в реставрации капитализма в СССР повинен и царизм, не позволивший развиваться капитализму в достаточной мере, на что неоднократно сетовал Ленин. Разумеется, еще большая

заслуга в деле реставрации капитализма в СССР принадлежит олигархам всего мира, боровшимся против СССР на протяжении всех 70-ти лет его существования. Но дело в том, что мировой олигархитет - это фактор, который присутствовал в истории **в равной степени, одинаково влиял на события** и в 17, и в 21, и в 37, и в 41, и в 45, и в 57 годах XX века. Олигархи постоянно использовали ВСЕ свои силы, чтобы разрушить СССР, но 70 лет не могли этого сделать.

Поэтому, если, даже враги коммунизма, безусловно, признают, что СССР возник, окреп, одержал множество побед, то это означает, что все необходимые **ОБЪЕКТИВНЫЕ** предпосылки Октябрьской революции (уровень развития средств производства, степень их концентрации

и централизации в России) уже к 1917 году достигли **НЕОБХОДИМОЙ** величины зрелости и, будучи соединенными с **СУБЪЕКТИВНЫМ** факторами революционной ситуации (совершенно **ДОСТАТОЧНАЯ** военно-боевая подготовка рабочих и крестьян, полученная ими в окопах первой мировой войны, личная **КОМПЕТЕНТНОСТЬ** Ленина и его ближайшего окружения в вопросах теории и практики претворения марксизма в жизнь), дали научно спрогнозированный результат. Если бы отсутствовала зрелость объективных факторов, то не удался бы ни Октябрьский политический переворот, ни победа над белогвардейцами и иностранными интервентами, ни план ГОЭЛРО, ни коллективизация, ни культурная революция, ни победа над мировым фашизмом.

Но если СССР, после нескольких десятилетий триумфальных побед на всех направлениях человеческой деятельности (от балета и шахмат, до водородного оружия и мирного освоения космоса), все-таки рухнул, то естественно пред-

положить, что реставрация капитализма произошла в силу **субъективного фактора**. Диалогически говоря, **объективная причина** реставрации капитализма в СССР – **субъективна**.

Только полный дебил может утверждать с трибуны болотно-тахирного майдана, что объективные

материально-технические и научно-технологические условия конца 80-х годов в СССР были существенно хуже, чем в 1917 или в 1941 г.г., когда империалистические страны испытывали социализм на прочность извне самыми изуверскими, террористическими, фашистскими методами. До пришествия Хрущева к власти не было отрасли знаний, видов материального производства, в котором бы мировой империализм, вместе взятый, имел бы ошутимое превосходство над СССР. По многим, тем более, базовым производствам и технологиям СССР, даже в эпоху Брежнева, уже вышел на первое место в мире. Более того, плановая система производства и распределения продуктов, плановая система расширенного воспроизводства общества, выстро-

енная еще Сталиным, вынуждала капиталистический мир координировать свои усилия в попытках не отстать от темпов и направлений развития СССР. СССР явно отставал от Запада лишь в двух отраслях – это порнография и производство по-мещански «роскошных» автомобилей для олигархов. Кризисы, которые не отпускают теперь мировую рыночную экономику, порождены, прежде всего, тем, что рухнуло плановое, полноотраслевое, научно организованное воспроизводство **общества** в СССР, а вместе с этим исчезли и ориентиры развития для всех «цивилизованных рынков», основанных на принципах частной собственности, т.е. на личной дурости олигархов и, следовательно, не имеющих никаких социально, культурно и исторически значимых ориентиров. Вновь, единственным плановым и предсказуемым на долгие годы, рынком стал «рынок» средств массового и изощренного унижения людей. Атомного и аморального.

ЭКОНОМИЗМ КАК КОНКРЕТНО ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРИЧИНА РЕСТАВРАЦИИ КАПИТАЛИЗМА В СССР

В своем исследовании Архангельская не учла, что поиск причины реставрации капитализма в СССР марксист обязан осуществлять с позиций ЕДИНСТВА трёх составных частей марксизма, а не с позиции, пусть даже самой изощренной, эконометрии, при начетнической трактовке формулы о первичности базиса и вторичности надстройки.

Марксизм возник из потребности научного осмысления наиболее общих, объективных **законов** развития ОБЩЕСТВА и, следовательно, законов развития КЛАССОВОЙ борьбы. В свою очередь, классовая борьба и есть высшая форма политики. До Великого Октября история формировалась борьбой рабовладельцев против первобытного коммунизма, феодалов против рабовладельцев, капиталистов против феодалов. Впервые класс наемных рабов, непосредственных производителей материальных и духовных ценностей, вышел на арену политической борьбы как сила, способная решить собственные проблемы и удовлетворить потребности своего собственного развития. До этого борьба угнетенных классов всегда утилизировалась эксплуататора-

ми в интересах ограбления масс, непосредственно приносивших себя в жертву революции и не получивших от этого участия ничего, кроме еще большей нищеты и унижения, как это происходит сегодня в странах арабского мира. Архангельская, как и полагается экономистам КПССной школы, не усвоила ленинскую критику троцкизма и ленинские выводы о том, что «политика не может не иметь первенства над экономикой, забывать это, значит забывать азбуку марксизма», что «политика есть концентрированное выражение экономики». Она искала в экономике причины деградации политики КПСС.

Главным вопросом политики, как известно, является вопрос о власти. Но для марксиста вопрос о власти стоит в плоскости, противоположной буржуазной постановке вопроса о власти. «Прорыв» не раз обращал внимание своих читателей, что политическая власть рабочего класса лишь некоторыми своими внешними атрибутами похожа на власть вообще. Эта «похожесть» сродни той, которую можно обнаружить в двух одинаковых ракетах, если «забыть», что одна будет выводить научный спутник на орбиту, а другая понесет ядерные боеголовки. Власть, как институт безапелляционного силового диктатора, необходима классу эксплуататоров для **увекочивания** своего господства. Европейские и американские олигархи уже несколько лет подряд в беспрецедентных масштабах используют силу полиции и армии для защиты законов, позволяющих увеличивать пенсионный возраст, сокращать рабочие места, увеличивать плату за обучение, но в современной демократической литературе, если и рассматривается тема насилия, то, разумеется, 80-тилетней давности и только в виде «сталинских репрессий». Любое избивание демонстрантов или бастующих в Афинах, Париже, Лондоне, Риме, Лиссабоне, Нью-Йорке, преподносится демократическим СМИ как лечебные акции, не имеющие ничего общего с насильственным удержанием власти тиранами, несравненно более кровожадными, чем Гитлер, но в то же время, более хитрыми, чтобы заставить толпу воевать с полицией, а не с собой.

Власть рабочему классу, т.е. силовое воздействие на отстраненное от власти меньшинство, необходима лишь для того, чтобы **ИЗБАВИТЬ** общество от власти одного субъекта над множеством людей **НАВСЕГДА**. Недопонимание этой диаматики современными пролетариями просто вопиет. Они не понимают, что олигархи существуют ровно в той мере, в какой поли-

ции удается **силой** удерживать основную массу народа от захвата предприятий, от экспроприации пролетариями ценностей, созданных самими пролетариями. Коммунизм избавляет общество от гражданских войн, а рыночная демократия, как показывает весь опыт западной цивилизации, **СИЛОЙ УДЕРЖИВАЕТ ОБЩЕСТВО В СОСТОЯНИИ НЕПРЕРЫВНОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.**

Следовательно, при выявлении причин реставрации капитализма в СССР совершенно недостаточно констатировать те или иные экономические факты и решения КПСС в области экономики, которую очень часто и безосновательно называют экономической политикой. То была практика «случайного тыка», не связанная с научным пониманием потребностей классовой борьбы в новых исторических условиях. Большой грех - относить Хрущева, Косыгина, Андропова, Горбачева, Лигачева, Яковлева к числу людей, овладевших научным методом мышления. Именно демократизм выборов в партии привел свору некомпетентного большинства к власти в КПСС. Достаточно вспомнить, что за перевод СССР на рыночные рельсы на 28 съезде КПСС проголосовало **две трети** делегатов высшего органа партийной власти. Как могли проникнуть на съезд могильщики коммунизма, кроме как по воле большинства в партийных организациях.

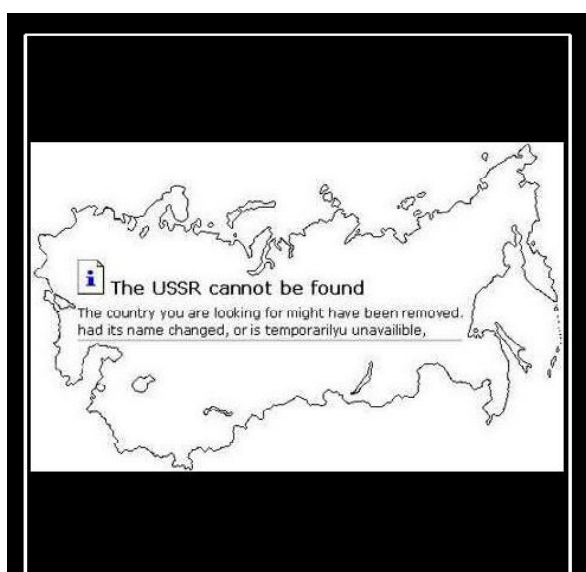
Поэтому, для ответа на вопрос о причине реставрации капитализма в СССР важно выяснить, что произошло с институтом политической власти в СССР, в силу каких причин КПСС, впервые в истории человечества соединившая все воспроизводственные процессы с наукой, обладавшая беспрецедентным влиянием на все экономические процессы в стране и в мире, временами отождествляемая с самой «диктатурой пролетариата», «вдруг» утратила всякое влияние на граждан СССР, на Вооруженные Силы СССР, на КГБ, МВД и оказалась упраздненной, судимой перебежчиками-ельциноидами.

Могут возразить, дескать, а Ленин говорил об экономике как о самой интересной политике и «поэтому», дескать, независимо от исторических задач, возникающих перед политическими движениями, неизменно действует формулировка: экономика (материя) - первична, надстройка (идеология, политика) - вторична.

Между тем, для Ленина, **экономика превратилась в самую интересную политику ТОЛЬКО после того, как рабочий класс отстранил предпринимателей и всех её «инакомыслящих» прихвостней от любых властных полномочий.** А до революции Ленин говорил об экономике, прежде всего, как о

форме **загнивания** капиталистического сообщества, и что именно это загнивание, т.е. **монополизация** рынка олигархами, т.е. концентрация производства, огромных масс пролетариев на заводах, при правильно поставленной агитации, позволяет рабочему классу осуществить **политический** переворот, без совершения которого невозможно приступить к ликвидации «фурункулеза» и «гангрена» империализма, а тем более, к строительству здорового общества.

Но и после осуществления политического переворота диалектика стратегических и тактических задач, целей и средств их достижений оставалась неизменной. «Коммунизм, - писал Ленин, - **есть СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ** плюс электрификация все страны». Как видим, не электрификация всей страны плюс советская власть, а политическая определенность, политическая незыблемость Советской власти как гарантия электрификации. В новых исторических условиях развитие **политической системы** диктатуры рабочего класса, т.е. ликвидация института власти предпринимателей над людьми, достигалось соединением Советской формы «власти» с важнейшим видом ресурса, к которому нэпманы вообще не будут иметь ни малейшего управленческого доступа. Такова диалектика политики и экономики в эпоху строительства коммунизма: не ослабляя ограни-

**Твоя Родина
ее больше нет на карте**

чительных функций по отношению к отживающим элементам экономики, нацелить «власть» на решение задач НАУЧНОЙ организации энергетического обеспечения всего комплекса расширенного воспроизводства **общества**.

Почему же сегодня все обыватели-антикоммунисты и, даже, «средний класс» стонут от поборов ЖКХ и неуклонного роста цен, особенно на электричество и автомобильное топливо? А потому, что один из главных ресурсов цивилизации – энергоносители, – приватизированы и монополизированы, т.е. олигархи оккупировали, узурпировали все формы энергии и, подобно среднеазиатским баям, монополизировавшим воду, исключили свободный доступ людей ко всем видам энергоносителей. Поэтому все рядовые владельцы автомобилей, все владельцы бытовой техники на основе электричества, керосина, нефти, газа, угля оплачивают моральное уродство, финансовую психопатию энергетических королей.

Попутно следует заметить, что историческая практика последнего столетия особо убедительно доказала, что рыночное решение энергетических задач в условиях рыночной демократии ведет, ни мало, ни много, к... экологическим катастрофам, ну и к таким «мелочам», как... мировые войны за господство над источниками энергии.

Современная рыночная полиция и армия, дуболомно стоит на страже именно такого положения вещей, при котором энергоносители планеты принадлежат нескольким десяткам прямоходящих, а у государства отняты какие бы то ни было **действенные** ограничительные, или распределительные функции по отношению к олигархам. В Америке, например, все 46 президентов, особенно республиканцы, приведены в Белый дом при помощи избирательных фондов. Деньги, особенно «республиканским» кандидатам, выделяются крупными магнатами, прежде всего, оружейными и энергетическими. Американские избиратели, со свойственной им тупостью, предпочитают голосовать за кандидата с большим избирательным фондом. Им представляется, что величина фонда пропорциональна талантам претендента, а не его покладистости в отношении основных жертвователей. Ясно, что «поставив» на определенного кандидата, олигархи, во-первых, ждут от него, как и от скаковой лошади, предельного старания, а, во-вторых, поскольку считают президента сообразительнее лошади, ждут от него адресных ощутимых услуг, а не только прыти. Если же выяснялось, что

президент недостаточно покладист, его расстреливали. Так, например, в США расстреляли 6 президентов, двоих только ранили, двоим устроили «импичмент».

Изучая ленинское теоретическое наследие и политическую практику эпохи Сталина, мы видим, что, среди задач, стоящих перед партией в деле строительства **коммунизма**, на первом месте всегда стояли вопросы доведения Советской власти до предельно эффективного научно-организационного уровня. Это достигалось при помощи повышения уровня **научной** подготовки, прежде всего, партийных кадров всех уровней во имя роста качества управленческих действий при решении задачи **коренного** изменения характера **производственных отношений** в стране, что, в свою очередь, недостижимо без подъема **средств производства** до конкурентоспособного уровня. Как известно, и с некомпетентными членами партии, и с сознательной «коммунистической сволочью» во времена Ленина и Сталина обходились особенно строго и бескомпромиссно. Во времена Сталина, например, кандидат в члены партии мог проходить в этом качестве несколько лет, пока не доказывал, что и в профессиональном, и в идейно-политическом отношении он превратился в умелого и авторитетного работника, или выбывал из числа кандидатов в партию. В КПСС, а тем более в КПРФ и РКРП кандидатский стаж превратился в пустую формальность наличия рекомендации двух товарищей. Никакого изменения в качественных параметрах личности не требуется.

Следовательно, признавая практическую ценность и состоятельность марксистского вывода о первенстве политики над экономикой в эпоху перехода от капитализма к коммунизму, невозможно не признать, что **научная** теория не может не иметь первенства над политической **практикой**, и забывать это, значит, вообще ничего не понимать в марксизме, даже того, ради чего он создавался и подтверждался практикой в течение многих десятилетий. Казалось бы, достаточно задаться вопросом: возможно ли построение коммунизма в условиях отсутствия теории построения коммунизма, а тем более, полного незнания этой теории коммунистами, чтобы согласиться с выводом классиков о том, что объективный ход развития производительных сил общества на базе рыночной анархии поставил человечество перед дилеммой: или общество продолжает развитие, заменив ИНТЕРЕС олигархов **НАУКОЙ**, или Земля вновь обезлюдует.

В теории марксизма доказано, что в системах, построенных на принципе господства **частной** собственности, на **первом** месте стоят объективные, т.е. без участия науки, стихийно сформировавшиеся **экономические** факторы, порождающие **формы** политических и идеологических институтов и отношений. Но иначе и не могло быть в эпохи, когда научное мышление было не только слабо развито вообще, но за проявление склонности к научному мышлению церковь отправляла ученых на костёр. **Необразованные** люди вступали в экономические отношения, не понимая их сущности и перспективы развития. Именно так следует понимать слова Маркса, написанные при классическом капитализме, что в процессе производства условий жизни, люди вступают в независимые от их сознания производственные, экономические отношения. В какие же ещё отношения, кроме как неосознанные, могут вступать пролетарии, прикладывая палец к месту росписи в денежной ведомости? На стихийно укоренившемся базисе возникали научно не оформленные, насильственные и только насильственные политические системы и институты (так было во все века, в которых наблюдались зародыши или остатки частнособственнических отношений). В силу практического отсутствия научного общественного сознания все европейские социальные революции осуществлялись на стихийно сложившемся экономическом базисе. Поиск форм организации новой политической надстройки и новых идеологических догм происходил параллельно с отсечением голов венценосным особам без разбора пола и возраста.

Однако в связи с тем, что капиталистическое производство, подгоняемое конкуренцией, более чем любая предыдущая общественно-экономическая формация зависело от **развития** науки, научность постепенно охватила все стороны жизни общества, в том числе и обществоведение, которое, соединяясь с научной методологией мышления, сначала породило социалистическое направление мысли, а потом и высшую форму научного исследования **классового** общества – теорию построения коммунизма. Образно говоря, сам капитализм, впрягая «лошадь» науки впереди «телеги» развития средств производства, создает прецедент первичности науки относительно развития производительных сил. Неслучайно «Капитал», пока, как самый научный из всех научных трудов, рожденных обществоведами, вышел в свет при ка-

питализме за **пятьдесят** лет до свершения Октябрьского политического переворота в России, доказав тем самым, что, не в исходном философском плане, а в конкретно историческом, формула о первичности общественного бытия и вторичности общественного сознания превращается в свою противоположность, в строгом соответствии с материалистической диалектикой. Научная идея **не может не быть первичной** по отношению к политике рабочего класса, прежде всего, в порядке исторической последовательности событий. В свою очередь, без первичности ограничительной политики по отношению к частным собственникам невозможно осуществить построение базиса коммунизма.

Уж это-то приходится считать доказанным практикой развала СССР, поскольку именно **РЕШЕНИЯМИ КПСС** и был **РЕАНИМИРОВАН КЛАСС ЧАСТНЫХ СОБСТВЕННИКОВ ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ ПРОИЗВОДСТВА В СССР**.

Легко заметить, что при диалатическом подходе, никакого противоречия между исходной формулой теории познания о первичности материи и вторичности сознания и формулой о первичности политических и вторичности экономических задач **в переходный** от капитализма к коммунизму период не возникает. Если сознание коммунистов содержит диалатически верное, т.е. научное представление об объективных социально-экономических задачах, подлежащих решению, то, только в этом случае, политика будет представлять собой бескомпромиссную форму реализации объективных законов построения коммунизма, содержащихся и в объективной общественной действительности, и в сознании партийцев.

Таковы, вкратце, основные «стандарты» диалатического подхода к «спирали» логики и практики, идеологии, политики и экономики на этапе строительства коммунистического общества в условиях капиталистического окружения и господства мелкобуржуазных пережитков в сознании миллионов обывателей, когда они покорно, как «зомби», сегодня идут за своими «вуду» на митинги, которые ведут их к дальнейшему росту безработицы, бездомности, беспризорности, инфляции, проституции, коррупции и других хронических недугов рыночной демократии. Хомячки и бандерлоги всё ещё не понимают, что, чем больше рыночной демократии, тем сильнее проявляет себя весь спектр трагедии и уродства.

Таким образом, для выработки ответа на вопрос, поставленный Архангельской, о конкретных причинах реставрации капитализма в СССР необходимо выявить, прежде всего, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ причины возникновения ПОЛИТИЧЕСКОГО кризиса советской системы, повлекшего за собой ЭКОНОМИЧЕСКИЕ трансформации капиталистического характера. При ином подходе факты экономической жизни выглядят как «упавшие с неба».

Если заглянуть в любой из вариантов учебников истории КПСС, то нельзя не заметить, что из глав, посвященных послеоктябрьскому периоду, исчезло слово **экономизм**. Т.е. в партии возобладало представление, что экономизм как оппортунистическое течение мысли исчерпал себя вместе с установлением Советской власти и началом «красногвардейской атаки» на капитал, в результате которой все основные средства производства и обращения юридически, т.е. формально, превратились в обобществленные. Сложилось представление, что, раз в стране уже нет крупных капиталистов, раз исчезает повод для экономических забастовок рабочих, значит, не может быть и данной формы оппортунизма. Более того, из контекста послеоктябрьских трудов основной массы советских теоретиков следует, что наиболее опасным врагом коммунизма являются капиталисты запада, т.е. прямые антикоммунисты, а оппортунизм в СССР невозможен, поскольку нет внутренних капиталистов, а значит и соглашаться не с кем. Т.е. любая фракционность это уже не оппортунизм, а более безобидное течение мысли и хозяйственной практики внутри неоспариваемого социализма, связанное с разночтениями марксизма, которое порождено местными особенностями, своеобразием национальных взглядов, причем лишь в отдельных вопросах текущей политики, при общей преданности идее коммунизма.

Некоторое время в сознании части партийных масс жила иллюзия, что принцип демократического централизма помогает включить «коллективный ум партии», находить устраивающее всех решение и, таким образом, сохранять единство партии. Такой подход, дезавуирующий учение марксизма о непримиримости идеологий, вновь расцвел в КПСС после захвата внутрипартийной власти Хрущевым, и был доведен уже до полного абсурда Горбачевым. Подтверждением укореившегося миролюбия к оппортунизму являются компромиссные названия партий европейских стран «народной демократии», например, Социалисти-

ческая Единая Партия Германии, Польская Объединенная Рабочая Партия, Союз Коммунистов Югославии, Венгерская Партия Трудящихся (Имре Надь), Венгерская Социалистическая Рабочая Партия (Янош Кадар) и т.п. Именно поэтому в перечисленных странах капитализм реставрирован был раньше, чем в СССР.

Современное плачевное состояние коммунистического движения в мире не оставляет места для сомнений относительно того, сколь разрушительную роль играет демократизм и теоретический плюрализм и в судьбе любой коммунистической партии, и в деле пролонгации тирании империализма на Земле.

Нужно понимать, что победа Октябрьской революции ознаменовала собой не только победу над капитализмом, но и над ОРГАНИЗОВАННЫМ экономизмом, как наиболее вредоносным идеологическим течением в коммунистическом движении. Экономизм и его носители были посрамлены практически. Но, строго говоря, экономизм - это краеугольный камень оппортунизма. Оппортунизма, т.е. меньшевизма без экономизма не бывает.

Как известно, сначала, меньшевики исходили из преждевременности привнесения научной идеологии в рабочее движение, потом ратовали за развитие лишь экономических форм сопротивления, потом бескомпромиссно боролись против «преждевременного» Октябрьского политического переворота. А если исходить из всего того, что известно об уровне амбициозности меньшевистских лидеров, их меркантильности, интриганстве, то становится ясно, что поражение в борьбе с большевиками озлобило и мобилизовало меньшевиков на новый раунд борьбы с большевиками. Они со всей яростью вступили в свой последний и решительный бой с большевизмом, не брезгуя ничем, вплоть до терроризма. Во многих окраинных российских губерниях в годы гражданской войны и интервенции меньшевики вообще слились с местной буржуазией и националистически-религиозными движениями, с иностранными интервентами, приняв самое активное участие в вооруженной борьбе против большевиков.

В зависимости от содержания политической борьбы в каждый переживаемый период, одни и те же меньшевики называли себя то «левыми коммунистами» (и вступали в самые беспринципные объединения с «правыми» и «левыми» эсерами), то учреждали «промпартию», затем, превращались в «правую оппозицию», идя на союз с европейским фашистами, наконец, назва-

ли себя «троцкистами» и, тем самым, вообще открестились от какого-либо конкретного содержания в названии своей фракции, замаскировав и свой экономизм в политике, и агностицизм в философии. Это про марксизм можно сказать, что в сущности он представляет собой диалектический материализм, примененный к все сферам общественной жизни, а у троцкизма нет своей философской основы, поскольку Троцкий ничего глубокого, объемного, содержательного, системного на этот счет не создал. Он был всегда и во всем сиюминутен.

Т.е. не только частой сменой названия меньшевики пытались облегчать себе идеологическую борьбу с большевистским крылом партии, но и, придумывая себе все более **бессодержательные** названия, они затрудняли большевикам работу по разоблачению сущности очередного тактического хода меньшевиков.

Однако если проанализировать наиболее устойчивую часть идейной платформы меньшевиков, содержание неизменно повторяющихся их позиций на практике, то легко заметить все тот же **ЭКОНОМИЗМ**, т.е. формальное «сопротивление» капитализму на поле и на условиях, предоставляемых самим **внутренним и внешним** капитализмом.

Казалось, что страшного в том, что из политического обихода выпало какое-то слово. Однако дело в том, что слова в сознании человека обозначают **реальные** явления, формируют адекватные **образы, настроения** и влекут за собой строго определенное **поведение** субъектов. При отсутствии в памяти слова, обозначающего предмет или явление, человек уподобляется слепцу, у которого в мозгу не может возникнуть решения, например, обойти яму, поскольку в мозгу вообще нет конкретных представлений о рельефе местности, хотя, на самом деле, яма на пути слепца может существовать. Если из обихода выпадает слово, то явление нечем идентифицировать, что и усложняет **организацию** борьбы с самим явлением. Что касается Сталина, то он неоднократно указывал на то, что особенно опасен тот враг, с которым, по тем или иным причинам, перестали бороться.

Как показала дальнейшая практика КПСС, троцкизм, потерпев, во времена Сталина, полное поражение на фронте откровенно **организованных фракционных** форм борьбы против строительства коммунизма, превратился в течение мысли внутри системы партийного образования, внутри академических институтов, в

своеобразный тайный клан, куда не нужно было вступать формально. Важно было всеми неправдами оправдать и сохранить и при социализме все понятия и атрибуты капитализма, как то: социалистические деньги, причем с портретом Ленина, но похожие на «катеньки», социалистический товар, социалистические цены, социалистический закон стоимости, социалистический рынок и т.п. «сапоги всмятку». Причем, некоторая часть КПССной профессуры даже искренне верила, что, разрабатывая проблемы хозрасчета при социализме и совершенствуя механизм ценообразования в СССР, они, тем самым, приближают победу коммунизма.

Иными словами, экономизм, это не столько сумма теоретических взглядов на пути построения коммунизма с использованием всего того, на чем существует и загнивает империализм, сколько следствие глубокого дефекта мышления человека, не овладевшего диалектикой в необходимом для коммуниста объеме. В КПСС эпохи Горбачева практически не осталось ученых, которые хоть сколь-нибудь сносно разбирались в диалектике. Отсутствие же диалектического мышления в сознании человека обрекает его на предельно примитивное восприятие причинно-следственных связей общественной жизни, и поэтому, самое большее, на что может такой человек претендовать, независимо от партийного билета, это вульгарный материализм, что и составляет методологическую основу экономизма любой редакции.

Коротко говоря, **экономизм есть продукт невежества, сдобренный аморализмом ибо, без нравственной распущенности, рынок потеряет привлекательность, тем более, для самих капиталистов.**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, главной причиной реставрации капитализма в СССР, как и везде, где он возродился, является **ЭКОНОМИЗМ**, но не тот, который провоцировал пролетариев на сотни лет забастовочной борьбы, а тот, который был вынужден смириться с ликвидацией капитализма, вроде бы исчерпал себя, но был привнесен в ряды ВКП(б) бывшими меньшевиками, носителями неизлечимого методологического невежества и аморализма. Как пишут в своих мемуарах, например, Горбачев и Яковлев, они всю жизнь ненавидели идею коммунизма, но делали карьеру в

КПСС, шли наверх, лишь для того, чтобы разрушить СССР, реставрируя капитализм.

Последним произведением на тему целенаправленного, сознательного строительства коммунизма в СССР была работа Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

«...Я думаю, - писал Сталин, - что необходимо откинуть и некоторые другие понятия, взятые из «Капитала» Маркса, где Маркс занимался анализом капитализма, и искусственно приклеиваемые к нашим социалистическим отношениям. Я имею в виду, между прочим, такие понятия, как «необходимый» и «прибавочный» труд, «необходимый» и «прибавочный» продукт, «необходимое» и «прибавочное» рабочее время... Я думаю, что наши экономисты должны покончить с этим несоответствием между старыми понятиями и новым положением вещей в нашей социалистической стране, заменив старые понятия новыми, соответствующими новому положению. Мы могли терпеть это несоответствие до известного времени, но теперь пришло время, когда мы должны, наконец, ликвидировать это несоответствие».

Но взывать к экономистам с подобными предложениями, все равно, что просить наркомана перестать колоться или уговаривать идиота перестать все время улыбаться.

О могуществе и оппортунизме клана поклонников экономизма в КПСС говорит тот факт, что после смерти Сталина ни одно из его предложений не нашло отражения в новом учебнике «Политической экономии», вышедшем в 1954 году под редакцией академика Островитянова. Свою теоретическую немощь и трусость академики объясняли верностью марксизму. Пользуясь интеллектуальной робостью и леностью значительного числа партийных функционеров того времени, в том числе и самого Хрущева, все, что писал Маркс при капитализме и про капитализм, было переписано в раздел, посвященный социализму, но ко всем категориям капитализма было прибавлено, как говорилось выше, слово «соци-

алистическое». Руководствуясь такой теорией, советское общество, чем дальше, тем больше удивлялось. «Почему-то», чем больше экономисты занимались совершенствованием действия закона стоимости при социализме, закона ценообразования при социализме, денежного обращения при социализме, наращиванием «социалистического прибавочного рабочего времени», тем медленнее шло развитие производства, тем труднее соединялось оно с научно-техническим прогрессом, тем больше нарастала спекуляция, диспропорции, стремительнее происходило падение нравов, тем увереннее страна шла к капитализму.

Слово экономист, в СССР периода «перестройки», превратилось в элитарное, а словосочетание «видный советский экономист» вытеснило из обихода слово марксист. Но, слава объективной реальности, социологические опросы показывают, что сегодняшние, даже тридцатилетние россияне ничего не знают и, естественно, не помнят ни об академике Вознесенском, ни об Островитянове, ни об Иноземцеве, ни о Румянцеве, Абалкине, Аганбегяне, профессорах Буниче, Заславской, Шмелеве, Пияшевой, братьях Лисичкиных, Попове, Шаталине, Гайдаре... Их книги давно выкинуты на помойки, причем самыми последовательными сторонниками рыночной экономики. «Мавр сделал своё дело...», мавр канет в Лету.

Как ни печально, но в современных партиях с коммунистическими названиями опять преобладают сторонники экономизма. Они опять плетутся позади пролетарского движения, поддакивая ему во всем, заигрывая с небрезгливыми профсоюзными лидерами. В случае новой решительной политической победы рабочего класса эти умственные кастраты дружной гурьбой, за счет дефектов демократического централизма, опять протаскают друг друга в руководство и вновь... Н.О. Архангельской придется писать о тех самых «причинах» реставрации капитализма в СССР, о которых она уже написала.

Есть возможность и необходимость разорвать этот порочный круг. Как это сделать? Об этом «Прорыв» пишет практически в каждом номере. Желаем Вам на этом пути Победы, дорогие наши читатели.

Январь – февраль 2012

ПОЛИТИКА

К ПОЛЕМИКЕ О СТРАТЕГИИ В КОММУНИСТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ

Владимир Новак

*«Революция должна состоять не в том, чтобы новый класс командовал, управлял при помощи **старой** государственной машины, а в том, чтобы он **разбил** эту машину и командовал, управлял при помощи **новой** машины...»*
(Ленин, «Государство и революция»).

Обратиться к этому ленинскому положению заставляют массовые протестные выступления трудящихся, происходящие сегодня практически во всех странах мира, главное в которых, - их антикапиталистическая направленность, что естественно, ибо современный капитализм настолько обострил все экономические, политические, социальные противоречия и беды общества, настолько показал свою неспособность к управлению современным обществом, что заставил миллионы людей подняться на борьбу с ним. Тем не менее, капитализм выдерживает эти удары и даже идет в наступление, решая собственные проблемы за счет трудящихся. То есть, несмотря на всю шаткость состояния современного капитализма, в обществе пока не сформировалось общественной силы, способной преодолеть его сопротивление. Разобраться в причинах такого положения, понять их и использовать их в борьбе за социальный прогресс, вот первоочередная задача коммунистов сегодня. Не поняв и не исправив положение, нечего и помышлять о собственном наступлении.

Сегодня все антикапиталистические протесты,

даже направляемые современными левыми партиями, носят характер реформистских и нацелены лишь на частичные улучшения буржуазно-демократической системы. То есть они не выходят из рамок буржуазных общественно-экономических отношений, а значит, не смогут затронуть основы капитализма. Так на массовом митинге Коммунистической партии Греции 4.11.11 Алека Папарига, Генеральный секретарь ЦК КПГ, в частности заявила:

«КПГ призывает народ бороться за то, чтобы народной собственностью стали концентрированные средства производства в промышленности, национализированная земля, крупные предприятия в сельскохозяйственном секторе и крупные предприятия торговли».

Как видим, здесь ставится задача не о социалистической революции, не о ниспровержении буржуазии и уничтожении капиталистических отношений собственности, в чем единственно и может быть выход из всех современных производственно-социальных бед, а лишь по обобществлению какой-то части производительных сил общества. Однако видеть задачи коммунистов лишь в обобществлении неких *концентрированных* (?) средств производства, значит урезывать марксизм, искажать его, сводить его к тому, что приемлемо для буржуазии. Разве государственно-монополистический капитализм, уже обобщест-

ствивший весьма значительную часть производительного потенциала стран не соответствует этому требованию? Но разве перестает он от того быть капитализмом? Чем тогда КПГ, представляющая в глазах многих наших коммунистов примером революционности, отличается от КПУ, открыто провозглашающей курс на государственный капитализм? Лишь тем, что акции, проводимые КПГ, носят более массовый и более острый характер. Но думается, что когда и в Украине капитализм доведет народные массы до предела, то и их выступления примут не менее массовый и острый характер. Даже без руководства КПУ. Вспомним хотя бы «помаранчевые» времена или нынешние выступления черныбыльцев. В то же время, разве митинговая активность греков мешает властям открыто издеваться над их мнением и вызывающе нагло продолжать вести свою политику? Как видим, внешняя грозность массовых выступлений хотя и подрывает устои буржуазного порядка, но отнюдь не означает их сущностную революционность, тем паче социалистичность. Чтобы не создалось мнение, что столь важные выводы делаются только на одном митинговом заявлении руководителя партии, обратимся к Программе КПГ и официальным партийным документам, принятым на ее последних, 17-м и 18-м, съездах. В частности, резолюции 17-го съезда КПГ требует *«...более четко выделить коммунистическую позицию, некоторый коммунистический полюс, для того чтобы лучшим образом преодолеть проблемы и трудности этой борьбы...»*, но на практике в этом направлении ничего масштабного или основательного не делается. Вот как говорится в Программе партии о задачах, стоящих перед коммунистами Греции:

«Основные программные направления и цели борьбы:

Освобождение нашей страны от оков Европейского Союза, как основной предпосылки реализации возможностей ее развития, для действительного улучшения жизненного уровня трудящихся и признания их прав.

Отказ страны от участия в любых империалистических вмешательствах и планах, независимо от того, как они реализуются...

Деятельность по борьбе с острой проблемой безработицы, защита и существенное повышение доходов

народа...

Борьба за демократизацию государственного управления, вооруженных сил, органов безопасности и системы правосудия...».

И так далее, вплоть до борьбы по защите окружающей среды. Но где здесь речь о собственно коммунистической позиции? 18-й, последний, съезд партии в своей Политической резолюции также не столько раскрывает эту позицию, сколько ее затуманивает:

«6. Основные направления борьбы рабочего и народного движения.

Цели борьбы, её направления и требования выявляют необходимость выбора другого пути развития, отличного от пути развития, который определяется интересами монополий и капитала в целом. Рабочее движение должно противопоставить свою стратегию стратегии капитала, принять обширный план действий, тем более в условиях объективного роста общественных потребностей и снижения возможности их удовлетворения».

Однако марксизмом уже выбран и проверен победоносный путь борьбы, имеющий более стратегичную цель: полное освобождение всех трудящихся от всякого гнета и эксплуатации. Это и есть стратегия рабочего движения. Собственная и самостоятельная, а не какое-то противопоставление стратегии капитала. Для коммунистов речь идет не о противопоставлении, а о борьбе классов и, конкретнее, об **уничтожении** классов, в том числе и класса пролетариев. Чтобы достичь эту цель, если и нужен некий обширный план действий, то непременно устремленный к безоговорочному отстранению буржуазии от власти. Ибо только власть, находящаяся в руках рабочего класса, способна упразднить частную собственность и передать всю землю, орудия, заводы, машины, рудники в руки всего народа для устройства социалистического общества, в котором будет ликвидирована эксплуатация, а все производимое и все улучшения производства пойдут на пользу самим трудящимся.

«...Лозунгом нашей эпохи, - учил Ленин, - неизбежно являются и должны быть: уничтожение классов; диктатура пролетариата для осуществления этой цели» («О борьбе внутри итальянской социалистической партии»).

Это и есть четко сформулированная коммунистическая позиция, указание классика на единственный способ решить классовые проблемы. Марксизм говорит не о пассивном служении этому движению на каждой его отдельной стадии, а о представлении интересов всего движения в целом, указание этому движению его конечной цели, его политических задач, охрана его идейной самостоятельности. Движение, не следующее этому принципу, мельчает и необходимо впадает в буржуазность. Отсюда со всей очевидностью, вытекает обязанность коммунистов: ни на минуту не отказываясь от защиты пролетарских классовых интересов в узком смысле, ставить, прежде всего, стратегические задачи, сформулированные классиками и проверенные практикой побед.

Ленин учил, что, в отличие от оппортунистически-реформистских программ, обычно состоящих из многих частичных пунктов, революционная программа коммунистов состоит собственно из одного общего пункта: свержение тирании буржуазии, освобождение трудящихся масс от эксплуатации. Но как раз об этом в Программе греческих коммунистов, за исключением отдельных оговорок и ссылок, ничего конкретного не говорится. Нигде в ней не говорится ни о **социалистической** революции, ни об упразднении частной собственности, ни о таком изменении государственной системы, которая бы устанавливала в обществе подлинную, т.е. пролетарскую, демократию. Но именно эти положения составляют коммунистическую суть, образно говоря – душу, марксизма, а без них он превращается в пустую погремушку.

Исходя из поставленных задач и целей борьбы, партия определяет свою стратегию и тактику. В представлении КПГ она состоит в создании **антиимпериалистического, антимонополистического демократического фронта борьбы** и переход к социализму посредством

этого фронта. Так Программа утверждает, что якобы «*в ходе борьбы, по степени углубления ее антикапиталистического характера, Фронт примет признаки (?!) революционного (?) народного фронта*». Хотя даже в этом случае ему предписывается лишь продолжать «*сплачивать и мобилизовать более широкие народные массы*».

Усмотреть в сказанном некую программу движения к социализму, даже при большом желании, невозможно. Хуже, приходишь к выводу, что с имеющимися программными установка-

ми и стратегией борьбы, КПГ, несмотря на всю ее активность в протестных акциях привести свою страну к социализму, а трудовой народ к освобождению, не может. Она готова лишь к выводу масс населения на

протесты, но не готова вести их к социализму.

В Программе ведется речь и о классовой борьбе, и о рабочем классе, однако упускается решающая марксистская мысль, что тот, кто признает только борьбу классов, еще не марксист и может оказаться еще не вышедшим из рамок буржуазного мышления и буржуазной политики, что учение о классовой борьбе создано не Марксом, а буржуазией до Маркса и для буржуазии и, вообще говоря, в такой редакции неприемлемо для коммунистов. Говоря словами Ленина, «...марксист лишь тот, кто **распространяет** признание борьбы классов до признания **диктатуры пролетариата**» («Государство и революция»). Но о том в Программе КПГ даже не упоминается. Не менее урезанно представляется и роль рабочего класса, о котором речь ведется не как об определяющей силе всего революционно-социалистического движения, а как лишь о руководящей силе этого движения среди иных движущих сил - «*Движущими силами социалистической революции являются - рабочий класс как руководящая сила, полупролетарии, бедное крестьянство и наи-*

более угнетаемые народные мелкобуржуазные слои города». При такой постановке, а все иные руководящие партийные рассуждения из нее не выходят, имеют место сразу два принципиальных искажения марксизма - умаление истинной значимости рабочего класса и принижение руководящей роли партии. Дело в том, что без партии, соединяющей рабочее движение с наукой, т.е. вносящей в это движение сознание, оно никогда не сможет выйти из рамок экономизма и реформизма, а его руководящая роль ограничится лишь стуком касок по асфальту.

Видимо, боясь оттолкнуть от себя других участников Фронта и вообще «широкие массы населения», выделением и обособлением рабочего класса, строго классовым подходом, КПГ отстывает от того объективного обстоятельства, что только и исключительно рабочий класс, который на каждом шагу сталкивается лицом к лицу со своим главным врагом – с классом капиталистов, и в борьбе с ним, становится до конца последовательным социалистом и решительным борцом за социальный прогресс, что только рабочий класс, являющийся собственным продуктом капитализма, не может освободиться, не уничтожив всю возвышающуюся над ним надстройку из слоев, образующих буржуазное общество, что все иные классы, слои, группы борются с буржуазией лишь за спасение и улучшение своего существования. Если они революционны, то только постольку, поскольку им грозит переход в ряды пролетариата.

То есть, рабочий класс единственный из всех классов, которые противостоят буржуазии, представляет собой класс способный довести социалистическую революцию до победы. В то же время только этот класс, который сам сплочен, обучен и организован капиталом, представляет силу, могущую повести за собой всю прочую распыленную и раздробленную пролетарскую массу. Только этот класс, благодаря своей партии превращающий стихийную борьбу против отдельных угнетателей в сознательную борьбу против всего класса угнетателей, может помочь трудящимся массам объединиться и сплотиться. Марксизм, невзирая на все и всякие интеллигентские страшилки, открыто провозглашает, что к социализму человечество придет не иначе, как через **диктатуру** этого класса. Поэтому роль рабочего класса значительно существеннее, чем простое руководство в протестных движениях. Однако в Программе КПГ роль рабочего класса, хоть и называется *гегемонической*, но нигде де-

лом не подтверждается и вся борьба предусматривается не на основе гегемонии, а на основе простого, лишь с самоуспокаивающей оговоркой, руководящего представительства в неких Фронтах. Фактически имеет место избитое оппортунистическое искажение марксизма.

Поскольку внешняя «грозность» Всерабочего Фронта (ПАМЕ) в Греции сегодня вводит в заблуждение многих коммунистов и они принимают стратегию КПГ как пример для себя (собственно появление данного материала и вызвано этой причиной), необходимо глубже разобраться в вопросе этой стратегической линии борьбы: через Фронты к социализму.

В Программе КПГ сказано:

«Органы этого фронта должны стать штабами борьбы на любом уровне, организаторами, руководителями острых классовых столкновений. Не будут ограничиваться функциями давления и контроля на буржуазное государство и на другие буржуазные учреждения. Они должны мобилизовать народ, чтобы сорвать антинародные планы, организовать непослушание к «верхам». Создавать через борьбу новые народные институты для противоборства буржуазным институтам, узаконивающим диктатуру монополий».

И еще:

«Под руководством КПГ, самого боевого и опытного отряда рабочего класса, Фронт будет завоевывать способность вовремя менять все формы борьбы, чтобы отражать реакцию и контрнаступления, со стороны господствующего класса страны. В критические моменты столкновения, когда в повестку дня войдет вопрос о разрыве с самой капиталистической системой, пройдет перегруппировка и изменение в соотношении политических сил».

Несмотря на витиеватость формулировок, вполне четко проводится мысль, что центром и главным орудием борьбы является Фронт. Однако это прямо противоречит марксистской стратегии революции в ее сущностном смысле. Не осознав до конца или не приняв марксистскую диалектику борьбы, КПГ уходит от того ее важнейшего положения, что **объединить и сплотить все и всякие пролетарские силы при-**

звана и может исключительно партия рабочего класса, что лишь партия рабочего класса, способна объединить, сплотить и направить все силы пролетариата.

У некоторых читателей может возникнуть вопрос. Ведь замысел Фронт, собственно, в том и состоит, чтобы объединить, сплотить пролетарскую массу и поставить ее под управление партии. Да, внешне все так и выглядит. Однако, в сущности, принципиально отличается от марксистского понимания проблемы. Вспомним опыт большевиков, как образец марксистского подхода к делу революции. Большевики не механически собирали различных отдельных противников капитализма, но, прежде всего, стремились установить в каждом из них свое влияние и на этой основе вести их за собой. Для чего они активно внедрялись во все и всякие пролетарские организации, вбирали в себя их лучшие элементы и таким образом глубоко и широко охватывали своим влиянием всю пролетарскую массу, объединяли и сплачивали ее на марксистской основе. Дело не в том, чтобы формально подчинить все организации партийному руководству своей партии. Дело в том, чтобы члены партии, входящие в состав этих организаций, как люди авторитетные и влиятельные, принимали все меры убеждения к тому, чтобы организации сближались в своей работе с партией рабочего класса и добровольно принимали ее руководство.

Как известно, ленинское определение гласит, что партия есть *«высшая форма классового объединения пролетариев, политическое руководство которой должно быть распространено на все другие формы организации пролетариата»*. Потому, при большевиках, объединение пролетарских сил партией, являло собой не просто сумму отдельных, разрозненных организаций, каждая из которых исходит из собственных интересов, ставит собственные цели, ведет работу в своей обособленной сфере, но составляло идеологически и политически цельное общее, т.е. организацию, признающую гегемонию пролетариата во всех важных вопросах политической борьбы. Поэтому вся их совместная работа велась в одном направлении. Только партия рабочего класса, только партия коммунистов, твердо стоящая на позициях марксизма-ленинизма и вобравшая в себя все лучшие элементы рабочего класса, может выполнить роль центрального руководителя и организатора пролетарского движения. Ибо лишь она способна не только выработать ту общую, научно обоснованную

линию, по которой должны вести свою работу все организации, но и имеет возможность примером организованности побудить всех союзников по Фронту провести эту линию в жизнь.

Все рассуждения о «независимости», «самостоятельности» для отдельных организаций Фронта есть оппортунизм, плодящий **независимых** парламентариев и **оторванных** от народных масс узколобых «профессионалов». Главное же условие победы состоит в том, что только партия коммунистов, действительно вооруженная научной теорией общественного развития, способна гарантировать массам стратегичность их борьбы. Фронты же, в силу своей идеологической многоликости и организационной многоукладности, вместо слаженных действий, на самых ответственных поворотах истории, всегда порождали затяжные конфликты и гражданские войны.

В отличие от большевистских объединений пролетарских сил нынешние левые Фронты, лишь формально соединяют различные антикапиталистические и просто либерально-демократические силы, не пытаясь, при этом, преодолеть разобщенность как идеологических позиций, так и руководства каждой из них, что не только не скрывается, но прямо устанавливается Программой КПГ:

«На Фронт будет влиять уровень согласия политических сил, образующих его в союзе с КПГ. Программные направления и цели борьбы Фронта имеют внутреннюю смежность и иерархию. Приспосабливаются к процессу борьбы в зависимости от событий внутри Фронта и от баланса сил на общественной и политической арене...».

К слову, такое приспособленчество в марксизме называется коротко – хвостизм, и подвергается нещадной критике классиков. Партия большевиков представляла собой направляющую и руководящую силу всей пролетарской массы, ведущую эту массу к социалистической революции, в то время как в условиях существующих Фронт она становится лишь одним из участников протестного движения, способного только выколачивать подачки у капиталистов.

В первом случае, объединением всех сил под единым руководством партии создается цельное, централизованно управляемое, спаянное железной дисциплиной пролетарское движение коммунистического направления, во втором –

сумма разрозненных участников, стихийно движимых какими-то собственными интересами. В результате, в первом случае, создается сила способная сокрушить капитализм, во втором – лишь сила способная вести бесперспективную драчку за некие временные улучшения бытовых условий и условий труда. Непонимание или неприятие этого марксистского подхода к законам борьбы, ведет к ошибкам и, в конечном итоге, поражениям в практических действиях. Строительство Фронтов в левом движении ведется несмотря и вопреки однозначному и четкому указанию марксизма, что основное назначение партии состоит в том, чтобы объединять работу всех без исключения массовых организаций антикапиталистического толка и направлять их действия к одной общей цели, к цели освобождения людей от тирании предпринимателей.

Подлинно революционное объединение и сплочение пролетариата, руководство пролетарскими массами в их борьбе за власть, в их борьбе за социализм может быть осуществлено лишь партией рабочего класса. Оно начинается с партии и разворачивается только вокруг нее. Марксизм всем своим опытом побед и поражений доказал, что рабочему классу нужна не просто организация и не организация вообще, а именно партийная форма организации, нужна своя партия, т.е. организация, которая представляет интересы всего пролетарского движения в целом и стремится к развитию в пролетарской массе революционной энергии. Ни один Фронт к тому не способен. В письме Герману Юнгу Маркс писал:

«В своей борьбе против коллективной власти имущих классов пролетариат может действовать как класс, только организовавшись сам в определенную политическую партию, противостоящую всем старым партиям, образованным имущими классами».

Ленин указывал, что

«пролетариат может стать и неизбежно станет непобедимой силой лишь благодаря тому, что идейное объединение его принципами марксизма закрепляется материальным единством организации, сплачивающей миллионы трудящихся в армию рабочего класса» («Шаг вперед, два шага назад»).

Сталин определял, что сила партии коммунистов

«...заключается в том, что она вбирает в себя всех лучших людей пролетариата из всех его массовых организаций. Ее назначение состоит в том, чтобы объединять работу всех без исключения массовых организаций пролетариата и направлять их действия к одной цели, к цели освобождения пролетариата» («К вопросам ленинизма»).

Отсюда следует, что партия коммунистов не может быть действительной партией, если она тащится в хвосте за стихийными движениями, если не может преодолеть косность этих движений, если не умеет подняться выше минутных интересов пролетариата и не умеет поднимать массы до уровня классовых интересов пролетариата. Партия должна стоять впереди масс, видеть дальше масс, вести массы за собой. Многочисленные организации при известных условиях абсолютно необходимы рабочему классу, ибо без них невозможно укрепить его позиции в разнообразных сферах борьбы, невозможно закалить как силу, призванную заменить буржуазные порядки порядками социалистическими. Поэтому обязанность партии коммунистов вести среди всех и всяких, не только входящих во Фронты, организаций такую работу, которая позволит указывать на необходимость социальной революции в интересах их собственного освобождения от гнета капитала, т.е. делать их социалистами, ставить на путь социалистической борьбы.

Другим вопросом, в котором греческие товарищи, на наш взгляд, допускают не просто путаницу, но прямой отход от марксизма, является вопрос о власти. Вот как о том говорит Программа КПГ:

«... КПГ твердо старается убедить в том, что недостаточно, чтобы буржуазные партии и их союзники отошли от власти. Необходимо свергнуть буржуазное государство и его механизмы, формируя новую народную власть - ни что иное, как социалистическую власть».

В условиях апогея классовой борьбы, революционного подъема народного движения, когда начнется революционный процесс, тогда возможно появление правительства как органа народной власти, имеющего согласие и одобрение борющегося народа, без

общих выборов и парламентских процедур. В условиях классовых противостояний и большого изнашивания влияния буржуазных партий и их союзников, возможно появление правительства антиимпериалистических антимонополистических сил на основе решений парламента без формирования условий для революционного перехода».

Целый ряд туманных и спорных определений. Что собой конкретно представляет народная или социалистическая власть? Что такое апогей классовой борьбы и когда начинается собственно революционный процесс? Каким образом и откуда по-

явится правительство народной власти? Что делает это правительство органом именно народной власти? Отсутствие конкретных и четких ответов на данные вопросы фактически превращает Программу КПГ в популистскую декларацию, а на практике означает

авантюризм. Не потому ли сегодня, даже проводя по две общие забастовки в неделю, у греческого протестного процесса нет никакого продвижения вперед. Напротив, буржуазный класс позволяет себе вызывающе нагло продолжать свою, все более ухудшающую положение трудящихся, политику. Как видим, простого выведения масс обездоленных на протест недостаточно, чтобы заставить буржуазию выполнять волю и интересы трудящихся. Разве что идти на отдельные мелочные уступки. Больше, не подлежит сомнению, что такое состояние дел будет оставаться и впредь пока у власти находится буржуазия. Изменить его может лишь полное отстранение буржуазии от власти и замена ее властью пролетарской. Для этого нужна длительная, целенаправленная и, главное, конкретная работа. Однако эту задачу, задачу взятия власти в собственные руки, т.е. основную задачу про-

летарской, социалистической революции, греческие коммунисты себе не ставят. Ждут изнашивания (?) влияния буржуазных партий и их союзников и *возможного (!?) появления (!?)* то ли правительства как органа народной власти, то ли правительства антиимпериалистических антимонополистических сил. Думается, что уход от конкретности в вопросах о власти также является порочным следствием участия КПГ во Фронте, ее боязни оттолкнуть от себя другие его организации, составляет как бы некое условие ее участия в нем. Но разве для настоящего коммуниста аморфное братание с кем попало может быть платой за отступление от принципиальных идеологических позиций?

Коммунистической партии можно и нужно, порой, идти на компромиссы, но только на таких условиях и лишь в том случае, если та выгода, которая представляется для коммунистического движения в них неоспорима и стоит того, чтобы ее до-

биваться. Главное, чтобы классовый коммунистический характер партии не ставился под вопрос.

«При всех и всяких исходах мы должны остаться самостоятельной, чисто-пролетарской партией, выдержанно ведущей трудящиеся массы к их великой социалистической цели»
(Ленин, «Аграрная программа...»).

Может ли партия, фактически отказывающаяся от социалистической цели быть орудием **социалистической** революции? Ответ однозначен, нет.

Как вопрос о власти решали большевики? Еще в Манифесте указано, что пролетариат *«не может подняться, не может выпрямиться без того, чтобы при этом не взлетела на воздух вся возвышающаяся над ним настройка из слоев, образующих официальное обще-*

ство». Ленин конкретизировал, что освобождение угнетенного класса **невозможно** без уничтожения того аппарата государственной власти, который создан классом угнетающим для обеспечения своего господства, что все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать и весь государственный аппарат заменить новым, состоящим из вооруженных рабочих, по типу Парижской Коммуны. Ибо, кто хочет уничтожить рабство не только на словах, но и на деле, должен быть готовым к войне, к самым решительным действиям против буржуазии, против ее отношений собственности, сопротивление которой будет бешеным, когда начнется ее экспроприация. Уничтожение буржуазного государственного аппарата сразу подрывает господство, влияние буржуазии в массах трудящихся. Поэтому марксизм определяет, что не только взятие власти, но и замена государственного аппарата составляет основное содержание пролетарской революции. В свою очередь, большинство партий, входящих во Фронты, что в Греции, что в России, равно как все буржуазные партии, ставят целью лишь захват государственного здания, усматривая в том главную добычу при своей победе. Если брать шире, то всякая буржуазная революция, а все нынешние майданы пока тем и являются, завершается захватом власти и решает только задачу ее приведения в соответствие с имеющейся капиталистической экономикой, тогда как для пролетарской революции захват власти есть лишь ее начало и имеет целью, чтобы, взяв власть, построить новую, социалистическую экономику. С имеющимся аппаратом буржуазного парламентаризма этого сделать невозможно. Поэтому уклонение КПГ от создания собственной системы государственной власти не просто противоречит положениям марксизма, но вообще делает невозможной победу социалистической революции. Сделаем уточнение, что кроме аппарата угнетения, который собственно надо разрушить и заменить, в современном государстве есть аппарат учетно-регистрационный. Этот аппарат разбивать нельзя и не надо. Его надо вырвать из подчинения капиталистам и подчинить пролетарским органам власти, сделать более широким, всеобъемлющим, более всенародным. Как отмечено, взятие власти только начало дела, причем не самое сложное. Главное, чтобы удержать власть, укрепить ее, сделать непобедимой, организовать социалистические преобразования. Что немислимо без собственного

государственного аппарата, как централизованной организации силы, организации насилия и для подавления сопротивления эксплуататоров и для руководства громадной массой населения в деле налаживания социалистического хозяйства. Как учит марксизм, государство есть орудие в руках господствующего класса для подавления сопротивления своих классовых противников. В этом отношении пролетарское государство не отличается от других, но с той принципиальной разницей, что если все прежние государства являлись диктатурой эксплуатирующего меньшинства над эксплуатируемым большинством, то пролетарское государство является диктатурой эксплуатируемого большинства над эксплуатирующим меньшинством. Не подлежит сомнению, что такую задачу коммунисты должны решать заблаговременно, уже в ходе подготовки к революции, невзирая на риск вызвать к себе недовольство союзников по Фронту. Ибо, даже свалив буржуазную власть в ходе всенародных выступлений, но, не имея уже заранее подготовленных элементов собственных органов власти, греческие товарищи не смогут, ни утвердить победу, ни, тем более, удержать ее. Вот и придется им либо оставлять прежнюю, т.е. буржуазную, систему власти, а с тем и неизбежность последующего поражения, либо в авральном порядке, на ходу, со всеми вытекающими из спешности следствиями, ее формировать.

Без предварительной заблаговременной подготовки к взятию власти, даже в случае установления такой цели в своей Программе, они обрекают себя на конечное поражение. Вспомним опыт большевиков с их Советами и, учитывая, что ленинская теория революции не есть чисто «русская» теория, а теория **обязательная для всех стран**, что большевизм – образец тактики **для всех**, сопоставим его с положением дел у греческих коммунистов. Так, например, вся борьба большевиков осуществлялась в форме революционного движения масс за власть Советов, путем последовательной борьбы сначала за превращение Советов в органы мобилизации масс, затем в органы восстания и, в конечном итоге, в аппарат новой пролетарской государственности. Почему Советы? Во-первых, этот аппарат дает партии коммунистов самую тесную, неразрывную связь с массами, с большинством народа. Во-вторых, является орудием пролетарской революции, поскольку посредством его партия и авангард рабочего класса, т.е. самая сознательная, самая энергичная, передовая

часть угнетенных классов, рабочих и крестьян, могут поднимать, воспитывать, обучать и вести за собой всю гигантскую массу этих классов, до сих пор стоявших вне политической жизни, вне истории. В-третьих, Советы подготавливают новый аппарат власти, ибо со старым аппаратом власть не удержать, а новый аппарат сразу создать нельзя. Советы есть власть, при которой почин и самостоятельность большинства народа состоит не только в выборе депутатов, но и в управлении государством, в осуществлении реформ и преобразований. Такая власть дает возможность подняться тем, кого угнетали, и самим брать в свои руки управление государством, управление хозяйством, управление производством. Значит становится их делом, значит становится непобедимой. Этой диаматики греческие коммунисты, пока, не поняли и сегодня не обладают подобным аппаратом. Хуже того, даже не предполагают его создавать. Тем заранее обрекают себя на полный разгром, на бесперспективность своей нынешней борьбы. Подчеркнем, никакой Фронт подобных задач выполнить не сможет, поскольку по самому своему замыслу есть лишь способ формального соединения отдельных разношерстных политических организаций в общем протестном движении, но не приспособлен ни к взятию, ни, тем более, к организации власти, в то время как Советы, изначально, по своей сути, есть аппарат реальный пролетарской власти, на деле выполняющий функции диктатуры пролетариата. Пока же можно лишь сочувствовать греческим рабочим, ведущим героическую, но фактически не несущую существенных побед, разве что копеечных улучшений жизни, борьбу.

В марксистском рассмотрении вопрос о власти неизбежно связан с вопросом диктатуры. В работе «Государство и революция» Ленин говорит:

*«Учение о классовой борьбе, примененное Марксом к вопросу о государстве и о социалистической революции, ведет необходимо к признанию **политического господства** пролетариата, его диктатуры, т.е. власти, не разделяемой ни с кем и опирающейся непосредственно на вооруженную силу масс. Свержение буржуазии осуществимо лишь превращением пролетариата в господствующий класс, способный подавить неизбежное, отчаянное, сопротивление буржуазии и организовать для нового уклада хозяйства*

все трудящиеся и эксплуатируемые массы». Далее Ленин определяет: «**марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата**». И шире: «*Сущность учения Маркса о государстве усвоена только тем, кто понял, что диктатура одного класса является необходимой не только для всякого классового общества вообще, не только для пролетариата, свергнувшего буржуазию, но и для целого исторического периода, отделяющего капитализм от «общества без классов», от коммунизма*».

Отсюда следует чрезвычайно точный, определенный, практически осязаемый вывод: только диктатура **одного** класса, класса рабочих, может победить буржуазию, упразднить буржуазные отношения собственности, обобществить средства производства и организовать социалистическое хозяйствование. В то же время сама диктатура составляет лишь переход к **уничтожению классового деления общества**, т.е к бесклассовому обществу.

Почему, при этом, нельзя обойтись без диктатуры, нельзя прямо перейти к «чистой» демократии? Потому, что из общества, в котором один класс угнетает другой, нельзя выйти иначе, как диктатурой угнетенного класса, т.е. организацией этого класса в господствующий класс для подавления угнетателей. А диктатура не может дать просто только расширения демократии. Вместе с громадным расширением демократизма, дающим демократию для бедных, т.е. для громадного большинства населения, диктатура дает ряд изъятий из свобод по отношению к угнетателям, эксплуататорам, которых надо подавить, силой сломить их сопротивление. Ясно, что в таком случае нет полной свободы, нет полной демократии.

*«Демократия для гигантского большинства народа и подавление силой, т.е. исключение из демократии эксплуататоров, угнетателей народа, - вот каково видоизменение демократии при **переходе** от капитализма к коммунизму»* (Ленин, «Государство и революция»).

Историческая правда состоит в том, что самая борьба с эксплуататорами не кем-то выдумана, а существует на самом деле. История буржуазных революций ясно показывает, что для

победы любого класса необходима диктатура, что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре, как власти, не разделяемой ни с кем. Марксизм не придумал диктатуру, а лишь доказал ее необходимость для победы очередной социальной революции. Потому только идеалисты и филистеры могут обманывать себя мечтами о свержении господствующего класса без долгого и трудного подавления его отчаянного сопротивления. Диктатурой. Кто этого не понял или ничего не хочет о том знать, тот ничего не понял в истории революции.

Буржуазный класс, обезглавивший своих конкурентов, феодалов, на деле осуществляющий свою диктатуру через посредство одноклассового «многопартийного» парламента, не может сказать об этом открыто, а потому вынужден лицемерить и лгать. Коммунисты же прямо заявляют, что их государство, равно как всякое иное, есть диктатура. В данном случае Советское государство есть диктатура пролетариата. Разница в том, что буржуазии диктатура нужна в интересах поддержания эксплуатации, т.е. в корыстных интересах ничтожного меньшинства против громадного большинства народа, тогда как пролетариату диктатура нужна в интересах полного уничтожения всякой эксплуатации, т.е. в интересах громадного большинства народа против ничтожного меньшинства эксплуататоров. Буржуазия постоянно призывает пролетарский класс отказаться от применения революционных средств и насилия, но если вспомнить историю, то именно она всегда первой применяла насилие, не останавливаясь перед самым жестоким и кровавым террором, всегда начинала стрелять первой и в Парижскую коммуну, и в Октябрьскую революцию, и при реставрации капитализма в СССР. Сегодня буржуазная пропаганда часто вспоминает венгерские события 56-го года и «пражскую весну». Запугивая обывателя «жестокостями» «тоталитарных» режимов, демонстрирует танки на улицах Будапешта и Праги. Отметим, не стреляющих. Однако умалчивает о той кровавой вакханалии, с которой эти «весны» начинались. С жестоких, достойных времен средневековья, расправ над коммунистами, функционерами народной власти, просто сторонниками социализма, садистски растерзанными телами которых были устланы улицы этих, вроде бы цивилизованных, столиц. Не убитых в схватке, не в силу военной необходимости, а из классовой ненависти буржуазии к новому пролетарскому строю и открывшей в кон-

трреволюции свое подлинное лицо. А как расценить варварский расстрел из танков Верховного Совета России российской контрреволюцией и аплодисменты тому всего буржуазного мира? В недавнем прошлом этот мир радостно приветствовал индонезийского диктатора Сухарто, насильственно свергнувшего близкий к коммунистам режим и зверски убившего около миллиона (!) коммунистов. Безусловно, с одной стороны все это наглядная демонстрация истинной жестокости классовой борьбы, но с другой – показательная наука для пролетариата.

Коммунизм стоит выше вражды между буржуазией и пролетариатом, он признает ее неизбежность для рыночного времени, но, в отличие от буржуазии, отрицает ее необходимость в будущем и именно ставит себе целью устранить эту вражду, превратить и паразитариев в созидателей. Тем не менее, при подготовке и в ходе революции коммунисты, которые не на словах, а на деле хотят уничтожить капитализм, должны быть готовы к самой решительной войне с буржуазией, **оказывающей сопротивление**, а значит, обязаны воспитывать и подготавливать свои силы к тому, чтобы они действительно выступали, как бескомпромиссная сторона.

Элементарной, азбучной истиной является утверждение, что переход к социализму мыслим в различных формах, в зависимости от конкретных условий каждой страны. Однако это отнюдь не разделяет коммунистов и не является поводом для самостийничества в их рядах, ибо не затрагивает сущностную общность их целей. Поскольку основные отношения между трудом и капиталом везде одни и те же и политическое господство эксплуататорских классов над классами эксплуатируемыми существует повсюду, то принципы и цель пролетарской политики везде одни и те же. Это позволяет коммунистам разных стран не просто пассивно наблюдать за событиями происходящими друг у друга, но и объективно оценивать ход борьбы каждого. Что разумно и полезно для общего дела. Поэтому мы считаем своим правом и товарищеским долгом прямо и открыто высказать греческим и всем товарищам по борьбе с капитализмом свое мнение. Главное – имеющаяся Программа КПГ не может быть признана программой партии коммунистов, поскольку не ведет к социалистической революции и коммунистическому переустройству мира. Нынешняя боевитость греческих товарищей не должна вводить в заблуждение и прикрывать сущностные изъяны стратегии и такти-

ки их борьбы, а именно, отсутствие у них борьбы за социалистическую революцию и социализм. Эта Программа, хотя и ссылается на социализм, но практически ни в одном из своих пунктов не посягает на устои капитализма, не ставит конкретную практическую задачу замены его другой общественной системой. Не ставятся цели ни по взятию власти в собственные руки, не говоря уже о диктатуре, ни по новой форме ее организации, ни по упразднению частной собственности на средства производства. Все эти вопросы лишь формально отмечены. Безлико, неконкретно, туманно, а значит, не представляют собой собственно программы действий. Вот пример характерных для КПГ и ПАМЕ формулировок. На встрече в сентябре с активистами профсоюза «Защита» на прямой и конкретный вопрос: «Вы боретесь за переход власти к трудящимся. Как думаете его практически осуществить?» функционерами ПАМЕ был дан ответ: «Считаем, что условия для этого в Греции могут сложиться. Для такого перехода власти нас должна поддержать масса трудящихся. В условиях кризиса народ политизируется быстро» (по материалу газеты «Трудовая Россия»). А вот формулировка из Политической резолюции 18 съезда КПГ:

«2) Требование политического изменения должно выйти из рамок правительственного изменения и все более осознаваться как классовое изменение на уровне власти. И на массовом уровне должна выявляться разница правительства, которое избирается народом, и поддерживающей систему и правительства, которое является народным, так как оно выражает рабочий класс и народные слои, и является «продуктом» победы народа над буржуазной властью и господством монополий».

Что здесь можно сказать? Шедевр формалистской казуистики. Поэтому, на наш взгляд, в настоящее время борьба КПГ и Всерабочего Фронта Греции носит пробуржуазный либерально-демократический характер, а не классовый и не социалистический. Обратимся к Ленину:

«...классовая борьба, - писал он, - становится настоящей, последовательной, развитой, лишь тогда, когда она охватывает область политики. И в политике можно ограничиться мелкими частностями, можно идти губ-

же, вплоть до основного. Марксизм признает классовую борьбу вполне развитой, «общенациональной» лишь тогда, когда она не только охватывает политику, но и в политике берет самое существенное: устройство государственной власти» («О либерализме и марксистском понятии классовой борьбы»).

Эту марксистскую истину классовой борьбы греческие коммунисты КПГ не постигли до конца. Вопрос о классовой борьбе - один из самых основных вопросов марксизма. В марксистском понимании борьба становится классовой борьбой лишь тогда, когда рабочие начинают вести борьбу не против отдельного хозяина или правительства, а против всего класса капиталистов, против поддерживающих этот класс правительств. Вместе с тем, по мере того как борьба становится классовой, она необходимо становится политической борьбой. Но и этого мало для революционного преобразования мира. Поэтому марксизм признает классовую борьбу развитой лишь когда она ставит себе целью замену буржуазного устройства государственной власти пролетарским, заменяющим диктатуру буржуазии диктатурой пролетариата. Задача коммунистов в том и состоит, чтобы превратить стихийную протестную борьбу против угнетателей в борьбу за политические и социалистические идеалы пролетарского класса. Поэтому пока греческий рабочий класс, несмотря на свой героизм и решительность выступлений, фактически еще не начал поход против политической власти буржуазии, он продолжает оставаться игрушкой в ее руках. Как бы это не задевало товарищей из КПГ, но сущностное состояние дела именно таково. Безусловно, сегодня в Греции складываются весомые предпосылки к социалистическому повороту. Однако революция возникает лишь из такой ситуации, когда к объективным причинам

«...присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломать (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не «упадет» если его не «уронят» (Ленин, «Крах 2-го Интернационала»).

К социалистической революции и социализму не приведет, разве что несколько приблизит, и нынешняя «фронтная» стратегия борьбы КПГ.

Ибо эта стратегия не готовит движение трудящихся для решительного наступления против политической власти буржуазного класса и замены ее собственной властью, а значит, не способна заменить буржуазные, частно-капиталистические отношения собственности на социалистические, общественные. Но без этого ни о каком социализме даже разговора быть не может. Без этого борьба никогда не выйдет из рамок социализма буржуазного. Сегодня во многих странах правят или правили, в том числе и в Греции, правительства якобы социалистов, но ведь социализма в них и близко не видать. Именно потому, что их «социализм» строится на основе капиталистических отношений собственности и буржуазной системе власти. Вот и меняются, то «правые» на «левых», то «левые» на «правых», то правят совместно в коалициях «народного доверия», удивляя недалекого обывателя, что никаких улучшений для трудового народа это не приносит. Но откуда могут взяться улучшения, когда эксплуататоры продолжают эксплуатировать и обогащаться, а эксплуатируемые, возмущаясь от случая к случаю, продолжают бедствовать и обогащать эксплуататоров. Однако приведенное состояние свойственно не только греческим коммунистам. Если обобщить, то с сожалением надо отметить, что современное коммунистическое движение подавляющей частью продолжает катиться по линии КПСС периода ее идеологического гниения. Начетничество, декларативность, фиксация фактов, стоны, проклятия и угрозы капитализму вместо строгого анализа событий с последовательно марксистских позиций и четких, конкретных задач на борьбу. При этом положение усугубляет глубоко укоренившаяся в отношениях между коммунистами и их

организациями порочная политика невмешательства в дела друг друга и взаимного попустительства. Даже когда оппортунизм и прямое предательство кого-то из них видны невооруженным глазом. Что-то наподобие круговой поруки. Для примера можно взять любую совместную резолюцию последних международных конференций коммунистических партий, где, кроме штатных обличений капитализма и общих деклараций, нет ни одного конкретного коммунистического решения.

Рассматривая проблемы современного коммунистического движения, Рабочая партия Украины (РПУ-мл) и Всеукраинский Союз Рабочих (ВСР) пришли к единственно возможному выводу, что причины, определяющие все затруднения и поражения коммунистов, заключены не в неких внешних силах, не в неких происках капиталистов, но в самом коммунистическом движении, а именно, в его фактическом отходе от марксизма. Исходя из этого, поставили себе целью борьбу за восстановление марксистского мировоззрения в сущностном понимании. Чтобы помочь пролетарским массам, прежде всего, осознать необходимость социальной, социалистической революции в их собственных интересах. Разъяснять им, что выйти на майданы не значит решить свои проблемы, что даже при отдельных победах, они не будут ни прочны, ни серьезны, что, несмотря на то, что экономические интересы играют ключевую роль, но самые решающие интересы могут быть удовлетворены только **коренными политическими и социалистическими преобразованиями**. Тяжело ломать рутину привычного мышления, но без этого победы не будет.

Январь 2012

КРУЖКОВАЯ РАБОТА И САМООБРАЗОВАНИЕ

Александр Лбов

В подавляющем большинстве публикаций журнала «Прорыв» подчеркивается и активно пропагандируется настоятельная необходимость людям коммунистических убеждений повышать свою марксистскую грамотность, овладевать навыками диалектико-материалистического метода и обогащать свой обществоведческий багаж научными знаниями. Эта идея является одной из основных, ключевых идей, которые коренным образом отличают как наши программные положения, так и практическую деятельность от всех остальных «левых» организаций, которые в лучшем случае декларируют свою приверженность марксизму, но ничего не делают для марксистского образования ни самих себя, ни своих сторонников. Основой для того, чтобы считать этот тезис столь важным для нас, является фундаментальное положение диалектического материализма о том, что никакая практика в принципе невозможна без предварительного формулирования теории. Это положение есть как раз тот камень преткновения, который вызывает особые трудности у невежественных последователей «прямого действия». Сущность человеческой деятельности состоит в том, что теория и практика настолько взаимосвязаны, что примат теории не кажется столь явным: многие, наоборот, считают, что прежде чем подумать, надо что-то сделать, и только получив результаты деятельности, мы получаем предмет, о котором начинаем думать. Однако это относительно верно лишь в абстракции – когда мы вообразаем себе человека как «*tabula rasa*», т.е. человека, не имеющего никакого предварительного базиса знаний, которым он на практике никогда не является.

Уже рождаясь, да что там – если строго, то даже в утробе матери человек начинает контакт с окружающим миром, получает из него неосоз-

нанно через ощущения море информации, и действует, исходя из этой информации. То есть, на базе некоторых знаний, которые. Исследования ученых показали, что ребенок, огражденный от информации, данной ему в ощущениях длительное время, теряет способность к практике – в частности, потому реабилитация запущенных с точки зрения раннего развития детей является одним из наиболее сложных для психиатрии процессов. Тот факт, что теория формируется на базе обобщения и исследования предыдущей практики, ничего не дает для опровержения примата теории в человеческой деятельности, потому что человек фактически никогда не оказывается в ситуации, когда у него не было СОВСЕМ НИКАКОЙ предыдущей практики, и он действует, основываясь на теории – не одной, так другой, даже если эта теория неудовлетворительно описывает явление, практически неприменима, а сам он полагает субъективно, что встретился с абсолютно новым явлением, не имеющим аналогов в практике.

Исходя из общего положения, что практике должна предшествовать формулировка некоторой теории, мы можем делать более частный вывод, что правильной практике должна предшествовать и истинная теория, основанная на глубоком анализе предыдущей практики, и чем больший процент населения будет охвачен знаниями, тем успешней будет революционная практика по захвату власти, разрушению капиталистического общества и строительству коммунизма.

В принципе, приходится с удовлетворением констатировать, что этот общий тезис вполне усвоен нашими сторонниками и основной массой читателей. В первую очередь это выливается в повышенный интерес к содержанию журнала, просьбы увеличить частоту выпуска и объем,

то есть, желание больше читать наши материалы. К нам также постоянно обращаются люди с просьбами о помощи в изучении материалистической диалектики в частности и марксистской науки в целом. Таким образом, можно уверенно констатировать, что налицо жгучее желание части левого политического спектра разобраться в единственной теории, которая на практике показала не просто свою применимость, а победоносность – марксизме.

Однако не все так радужно в этом вопросе – происходившие в последние месяцы онлайн-обсуждения, в частности, в Живом Журнале, вопроса о постановке марксистского образования, показали, что читатели, кроме упреков в том, что журнал выходит относительно редко (и тут их частично можно понять и принять – однако редакция не считает продуктивной погоню за количеством материалов, и полагает, что только качественные материалы могут быть опубликованы в нашем журнале), предъявляют еще и упреки в том, что марксистская нашей группой не организована учеба в форме кружков, семинаров или даже некоей «школы».

Например, одна наша читательница делится своими проблемами в изучении марксизма:

«Да читаю очень медленно подряд, да и все. Медленно, потому что не понимаю сложные места, останавливаюсь, обдумываю и читаю далее. Честно, - так толку мало, потому что бессистемно. Если бы, как в вузе, мне сказали: выучи Маркса «Капитал» за одну ночь или собирай манатки вон... То есть, некоторым людям нужна лекционная, коллективно-индивидуальная (учить уроки) форма изучения. По привычке, что ли.»

А другая, в ответ на нашу аргументацию о первичности самообразования, с жаром и упреками защищает непременно очную форму образования.

«Вы реально не понимаете, какие преимущества и достоинства существуют у очной формы обучения, посредством лекций, семинаров, практических занятий и с реальным человеческим общением и взаимодействием?! И Вы реально не понимаете, почему человечество до сих пор не отказалось и не откажется от традиционных форм обучения, хотя и использует активно новые технологии и воз-

можности?! Кстати, вы даже новые технологии и возможности не используете по полной и организованно.»

Гов. Н. Быстров, считающий себя нашим сторонником, воспринял работу по марксистскому образованию как непремленную организацию некоего кружка, в виде новой «редакции», где изучающие марксизм будут писать материалы, а строгий «совет старейшин» будет указывать на ошибки посредством некоего «форума» или интернет-сообщества и читать лекции по интересующим вопросам. Фактически это та же самая очная форма, основой которой является пассивное восприятие того, что скажут «учителя». Я уже не буду повторять, что эксперименты подобного рода проводились многократно различными левыми, и благодаря им мы имеем целый ряд беспринципных и бесхребетных оппортунистических ресурсов с разными уклонами – лефт.ру, коммунист.ру, рабкор.ру и прочие.

Одним словом, некоторые читатели видят выход в создании системы кружков в их узком понимании изучения материала путем очного формализованного общения. И это дает основание поговорить о том, что же такое кружковая форма образования, насколько продуктивно и в каких условиях очное обучение и почему вопрос самообразования на данном этапе особенно актуален.

Что такое кружки?

как возникла и развилась это форма идеологической подготовки революционного движения?

Из истории, как РСДРП, так и прочих партий начала XX века, в дальнейшем сформировавшихся как коммунистические, известно, что прежде чем партия была организационно оформлена, движению предшествовал так называемый «кружковый этап» – то есть этап разрозненного существования и функционирования марксистских групп, занимавшихся преимущественно теоретической и просветительской деятельностью. Такое определение вполне логично и пригодно для «Краткого курса истории ВКП(б)», учитывая, что он писался в то время, когда большинство участников этих кружков были живы, и являлись активными партийными функционерами.

В те далекие времена никому не приходилось объяснять, что слово «кружок» в конце XIX - начале XX века (да и в 30-е годы) понималось

гораздо шире – дореволюционные кружки представляли собой фактически партии в миниатюре, занимаясь и пропагандой, и агитацией, и непосредственно организацией политической борьбы. Кружки организовывали митинги, сходки, политические акции в рамках доступного, организовывали сбор средств на пропаганду и для арестованных революционеров, занимались юридической помощью начинающемуся рабочему движению, организовывали кооперативы, рабочие школы, занимались благотворительностью (что греха таить, кружки 90-х гг. XIX века редко когда могли похвастаться отсутствием оппортунистических настроений), кое-где даже закупали оружие и готовили боевиков для будущих вооруженных столкновений. Иными словами, кружки того времени собирали воедино весь спектр гражданского и политического действия, который был тогда возможен. Где-то (в зависимости от личных качеств руководителей и организаторов) возобладала одни направления работы, где-то другие, но надо понимать, что по форме деятельности оформление совокупности кружков в партию не означало резкой смены деятельности – бывшие кружки продолжали все ту же работу, только более организовано в соответствии с общепартийными установками и в координации с другими организациями.

Безусловно, одним из основных задач тогдашних революционных кружков была выработка теории и теоретическая подготовка (а по необходимости – и образование с нуля) актива. В силу малочисленности и разрозненности этих кружков, работа стихийно сосредотачивалась на культурно-просветительской – кружки фактически делали что могли, и просвещение было для многих единственной доступной формой деятельности. Это делалось часто от бессилия, так как марксистское просвещение каким угодно способом было единственным выходом из замкнутого круга отсутствия массовости. Но тем не менее, это было и единственным эффективным средством создания дееспособной политической партии, и если что и дало эффект на том этапе – так это была та просветительская работа, которая была проведена до формального конституирования РСДРП.

Однако в советские времена такое понимание кружка за неупотребительностью в быту заменилось на более привычное – как некий клуб людей, которые проводят регулярные занятия по типу добровольных семинаров, то есть, зачитываются и обсуждаются рефераты, читаются лек-

ции, читаются и разбираются книги по главам. Одним словом, схожий со школьным образованием процесс. В силу чего современные левые понимают слово «кружок» узко, и именно этим обусловлены требования организовать обязательно некие семинары, на котором идеологические активисты «Прорыва» будут вдалбливать слушателям основы «Капитала».

Но тут не только терминологическая путаница, проблема в том, что многие читатели «Прорыва» слабо представляют себе разницу в условиях, которая существует между ситуацией конца XIX века и ситуацией начала XXI-го. Если говорить в общем, то в конце XIX века капитализм, что в России, что в зарубежных странах, толком не избавился от наследия феодализма – в социально-классовой структуре (которая менялась порой медленней, чем даже сами капиталисты, занимавшие господствующее экономическое положение в обществе, хотели), наличествовало много тормозящих капиталистическое развитие факторов. Были слабо развиты средства связи, средства копирования и тиражирования информации. И это обуславливало формы, в которых проводилось марксистское образование.

Какие обстоятельства благоприятствовали очной форме марксистского просвещения, которая была если не господствующей, то вполне распространенной в России конца XIX века, и какие непосредственно обуславливали именно эту форму?

Во-первых, это социально-классовый состав интеллигенции – т.е. «образованного сословия», носителей теоретических знаний. В то время, несмотря на рост, и даже опережающий рост разночинских представителей в образованном слое царской России, основная масса интеллигенции была выходцами из имущих слоев. И революционная часть интеллигенции тут не была исключением – выходцы из дворянства, как правило, обладали некоторой земельной рентой (даже при разорении семьи Плехановых, у Г.В.Плеханова все равно остался определенный нетрудовой доход с минимума сохраненного семьей имущества), выходцы из купечества могли рассчитывать на некоторую долю нетрудовых семейных доходов от предприятий (даже если они выплачивались в форме «милости к блудному сыну», на эти деньги жил, например, член группы «Освобождение труда» Дейч), выходцы из чиновнического сословия также пользовались поддержкой семей и их доходов (напри-

мер, семья Ульяновых до самого момента возвращения из эмиграции материально поддерживала Ленина). Даже если интеллигент и «служил», то он и тут не перетруждался и имел достаточно свободного времени для чего угодно – «присутственное время» для чиновников, как правило, не превышало 5-6 часов в день, а некоторые категории интеллигенции вообще сами планировали свой рабочий день – например, сельский врач принимал лишь по необходимости, инженер непосредственно присутствовал на объекте или на заводе зачастую лишь только тогда, когда технологический процесс требовал его вмешательства. Слаборазвитое производство и социальная инфраструктура требовали соответственной организации труда образованных работников, которые могли располагать существенно большим свободным временем, нежели современные работники умственного труда, фактически поставленные в один ряд с остальными пролетариями по условиям труда, по своей роли в производстве являющиеся теми же пролетариями и не обладающие возможностями в массе своей для освобождения от ежедневного труда по найму даже частично.

Таким образом, если первое требование для очной формы обучения – свободное время преподавателя – в дореволюционной России было налицо, то сейчас редко кто из марксистов, занимающихся теоретической работой, может похвастаться большим количеством свободного времени. Наоборот – времени постоянно не хватает, и дополнительная нагрузка скажется только в минус качеству.

Второй фактор – это катастрофическая сложность с материалами для изучения – в частности, с публикацией и размножением материалов. Даже если не говорить про цензуру, то тиражи тогдашних типографий были совершенно недостаточными для того, чтобы удовлетворить потребности в марксистской литературе. Печатание книги было делом крайне дорогим, несмотря на то, что со времен Ивана Федорова прошло 4 века. Издание, например, работы Ф.Меринга «История германской социал-демократии» стоила месячный заработок низкоквалифицированного рабочего. Средний тираж составлял 2,5 тыс. экз. А наиболее массовыми тиражами издавались учебники – по 40 тыс. экз. Если учесть, что средний тираж исчислялся с учетом массовой «лубочной» литературы, официозных пропагандистских и религиозных изданий, то вполне логично, что даже «легальной» литературы не мог-

ло хватить на всех желающих приобщиться к марксизму. Книги в то время зачитывали буквально до дыр, передавали из рук в руки, кустарно переписывали вручную, гекто- и жирографировали, но все равно литературы не хватало даже для марксистских кружков. Нехватка материалов не позволяла даже заикаться о возможности какой-то иной формы образования, чем зачитка рефератов и книг «с голоса» и очно. Если почитать мемуары многих рабочих-большевиков, основную часть занятий занимали чтения материалов, и только потом руководитель отвечал на возникшие вопросы или что-то объяснял. А в значительной части кружков руководитель даже и не мог ничего объяснить (например, не обладал способностями), но все равно эта форма работала как форма образования.

Третий фактор – это состав контингента, который занимался в кружках. Народники относительно рано стали привлекать в кружки «простой народ», следуя доктрине «народолюбства» – в основном ремесленников и рабочих, первые революционные кружки, в которых занимались рабочие, датируются серединой 60-х гг. XIX века. Такой состав кружков не мог не обусловить необходимость адаптации материала до уровня, когда рабочие начинали хоть что-то понимать. Учитывая закономерные трудности с литературой и наличие возможности высвободить для этого дела множество лекторов, адаптация материалов (вплоть до уровня «марксизма для совсем не умеющих ни читать, ни писать») была своеобразной импровизацией, которую каждый кружок решал своими силами. И это никак не могло не выливаться в своеобразный аналог очного школьного обучения. Низкий общий начальный уровень слушателей активно такой форме способствовал – навыков самообразования рабочая масса не имела (за исключением разве что самородков), а авторитет лектора – образованного человека – в этой среде был высок. В результате удавалось преодолеть катастрофическую неграмотность и позволить рабочим выйти на новый уровень сознательности.

Эти три фактора обуславливали те формы, которое просвещение принимало в то время. Следует еще добавить, что очные занятия были относительно краткосрочные – из-за множества разных факторов (в том числе и преследований полиции) не было возможности организовать занятия сколь-нибудь длительное время. Состав кружков и их руководителей был текуч и непостоянен. Было большой удачей, если удавалось

проработать полугодовую программу с более-менее постоянным составом. Экспресс-курсы такого рода, разумеется, могли дать только начальные знания, хотя организаторы замахивались на более фундаментальные цели. Например, была распространена дифференциация по уровню знаний – с прошедшими первый этап кружков занимались на более глубоком уровне на кружках второго уровня. Но, тем не менее, приходится констатировать, что эти кружки были **ЯВНО НЕДОСТАТОЧНЫ** для решения задачи **ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОФОРМЛЕНИЯ ПРОГРАММНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ**. Ликбез по сути остался ликбезом.

Какие возможности есть сейчас у коммунистов, какие кадры у нас есть и какие кадры требуются сейчас для решения насущных задач.

Вообще-то этот вопрос требует, по большому счету, отдельной статьи. Но если тезисно сформулировать задачи марксистов в настоящее время, то это задачи по **ТЕОРЕТИЧЕСКОМУ** разгрому буржуазии. Мы не побоимся такой формулировки, что массовая пропаганда в настоящее время до решения

этой первой задачи, осуществляется сонмом левых в убогом виде, и не может быть приоритетной. В комдвижении вполне достаточно людей, которые могут написать критическую статью относительно какого-нибудь текущего явления, даже достаточно тех, кто может изложить азы марксистской теории. Однако наличествует громадный вакуум теоретических работников, которые способны не просто критиковать капитал, но развивать сам метод, углублять существующие знания, исследовать общество, его историю, и на базе этих исследований не только разбить фундамент буржу-

азного обществоведения, но и получить новые знания.

Практика 20 лет топтания на месте и стремительной деградации левого движения в России показала, что без фундаментальных марксистских исследований и материалов вся остальная работа не просто пробуксовывает, но не имеет никаких шансов на успех по причине жутчайшего голода на теоретические кадры. РКРП наглядно и ясно показывает, что кадры ее по причине низкого качества просто не справляются не то чтобы с теми задачами, которые ставит

состояние общества, но и с теми, простыми вопросами до которых они сами могут додуматься. Взятый каждый в отдельности средний левый активист вести пропагандистскую работу не способен, теоретическую – тем более, целей и задач не понимает, обстановку проанализировать не может, даже не обладает механическими навыками запоминания и систематизации информации.

А задачи-то ситуация ставит громадные: необходимо с нуля создать слой людей, которые смогут

самостоятельно вести исследовательскую, научную деятельность в самом широком ключе, которые смогут передать знания марксистской теории относительно широкому кругу передовых интеллигентов и рабочих для перехода к непосредственной массовой пропаганде. Выражаясь военным языком, задача стоит в том, чтобы подготовить «мозг партии», ее штабы, ее будущих генералов, способных творчески решать глобальные задачи и подготовить армию офицеров – непосредственных организаторов, чтобы можно было разворачивать массовую работу, способную охватить как можно более широкие мас-

сы населения, а в идеале – вообще все общество, и все его слои, за исключением откровенно враждебных.

Одним из качественных отличий штабов от массы простых «офицеров» является владение не просто достаточными для выполнения узких функций знаний и навыков, но самостоятельность в анализе ситуации и самостоятельное принятие решений по всем без исключения ключевым вопросам. Это в нашей ситуации может решиться только за счет теоретической подготовки – не просто уровня дипломированного специалиста, но ученого-исследователя. Кадры такого уровня подготовки просто невозможно подготовить ни за один месяц, ни за один год, и сколько бы занятий не проводить, все равно получится всего лишь неплохой исполнитель, если в процессе учебы не будет сделан упор на основной форме обучения – на самообразовании. Человек, который самостоятельно не может учиться, не может и действовать самостоятельно, тем более в постоянно меняющейся нешаблонной ситуации.

Это тот контингент, который на данном этапе необходимо сформировать для того, чтобы решить два вопроса, необходимые для формирования партии научного мировоззрения – марксистской партии:

- создание массовой коммунистической прессы;
- разворачивание массового марксистского образования населения.

Не подготовив предварительно теоретические штабы, не набрав критическую массу научных кадров, мы неизбежно проваливаем эти задачи, ибо пытаемся малым числом схватиться сразу за все.

Почему мы выступаем за самообразование?

Попытки малыми силами обучать всех желающих, которым для образования обязательно требуются регулярные подпорки в виде семинарских занятий, не дают положительного результата. Подтягивание до нужного уровня людей, которые бегло проработают на таких занятиях «Капитал» (а не бегло это можно сделать только путем самостоятельного чтения, осмысления, систематического перечитывания в ходе самостоятельной исследовательской работы), может занять многие годы, но, тем не менее, не завершиться ничем, так как упование на то, что кто-то придет и вдолбит в голову материал, говорит не только о слабых навыках самостоятельной

работы, но и слабом волевом начале. И человека надо будет учить не только предмету и методу, но и навыкам самостоятельной работы над текстом, заинтересовывать, прививать вкус к обществоведению.

В настоящее время отсутствуют не только необходимость, но и условия для кружковой работы в форме очных занятий.

Во-первых, основной марксистский актив современности имеет очень ограниченное количество свободного времени, так как вынужден точно так же как и остальные пролетарии добывать хлеб насущный ежедневным трудом по найму.

Во-вторых, контингент интересующихся марксизмом весьма далек от образа работников преимущественно физического труда. В основном нам приходится иметь дело со студентами, служащими и инженерно-техническими работниками, то есть, людьми, которые по уровню образования существенно превосходят рабочего начала XX века, и дают заметную фору современному рабочему тоже, несмотря на то, что современный рабочий поголовно умеет читать, писать, считать и до некоторой степени освоил относительно неплохой школьный курс, доставшийся нам от СССР. ВУЗовская же система сама по себе нацелена на выработку у студента навыков самообразования, самостоятельной работы с текстом, личной исследовательской и научной деятельности. И в силу этого от человека с высшим образованием странно выглядят жалобы на невозможность осилить самостоятельно труд по изучению азов марксизма.

В-третьих, средства коммуникации, развившиеся последние 20 лет делают излишними многие очные формы обучения. Современные российские ВУЗы (и даже школы) переживают своеобразный кризис – коммуникации делают бессмысленными многие старые методики обучения, но организация образования к ним просто не готова приспособиться. Точно так же и в нашем случае – по большому счету абсолютно излишне собирать людей на «кружок», если работа преподавателя со студентом вполне эффективно осуществляется с помощью цифровых технологий. У нас отпала необходимость не только зачитывать лекции или рефераты перед аудиторией, если вполне достаточно выложить в Интернет текст. При этом каждый из читателей в практически любой точке мира сможет проработать его в удобное ему время, задать уточняющие

вопросы, получить от автора ответы. Для этого требуется только добросовестность и желание разобраться.

К тому же – у нас огромная масса материала для изучения, о котором кустари из «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» не могли мечтать даже в самых радужных снах. 70 лет Советской власти оставили нам в наследство не только промышленный комплекс, от которого олигархи нам оставляют пока крошечки, чтобы мы не перемерли с голоду и холоду, но и полные собрания сочинений Маркса, Энгельса и Ленина, частично изданный отдельным собранием Сталин, сочинения многих других выдающихся марксистов – соратников тех, кого мы зовем классиками. Наконец, академическая наука СССР и соцлагеря оставила нам огромную массу учебных пособий, обработанного фактического материала, работ с критикой буржуазного обществоведения, самостоятельных исследований по тем или иным проблемам теории и метода. У нас есть все, чтобы не адаптировать на ходу и не изобретать своими силами велосипед в ходе обучения кадров. Мы можем из огромного наследия прошлого выбрать массу материала подходящего под каждого конкретного человека, вздумавшего всерьез изучать марксизм, и благодаря новейшим технологиям в течение буквально секунд снабдить человека множеством пособий.

Ведь самообразование – это не просто «одна из форм» образования в принципе. Это единственный УНИВЕРСАЛЬНЫЙ способ образования, который эффективен в любом случае. Практика показывает, что невозможно обучить человека, который не хочет работать сам, добровольно и без какого-либо принуждения (формального, неформального или же банальной необходимости посещать занятия). Самообразование – это единственный способ от обучения перейти к ИСЛЕДОВАНИЮ общества.

В силу этого многочисленные разговоры об «устройстве кружков» выглядят как способ от реальной учебы отлынивать – предлагается механически собрать людей, которых еще надо заставлять учиться, с той только разницей, что заставит-то учиться нечем. Это не ВУЗ, где не сдашь предмет – не дадут диплом. Да и состав интересующихся относительно разнородный – одни в большей степени освоили марксизм, другие в меньшей. Практика организации подобных «школ» периодически и систематически выливалась в малосодержательную болтологию, где одним скучно, а другим непонятно, где учащиеся то не посещают занятий, то не осваивают материала к очередному занятию, то просто программа занятий перетекает в «клуб по интересам».

Потому вместо призывов к «организации учебы» мы призываем всех наших читателей организовать в первую очередь САМИХ СЕБЯ – на самостоятельное изучение марксизма, на совершенствование своих знаний в разных областях обществоведения, на приучение себя к исследовательскому труду, на выращивание из себя не распространителей листовок, а УЧЕНЫХ, которые способны, даже оказавшись оторванными от своих товарищей, суметь разрешить все встающие теоретические проблемы и на базе этого знания организовать победоносную революционную практику.

На выходе мы должны получить не выпускников с дипломом а-ля «прослушал курс марксизма», а ученых-марксистов, которые напишут научные работы по всем отраслям общественных наук – истории, экономике, социологии, политологии, психологии, философии. Одним словом, наша задача – это формирование своей академии общественных наук, которая, отличие от спекулятивной буржуазной, будет стоять на действительно научных позициях научного материализма.

Февраль 2012

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕНЕЗИСА «СОБСТВЕННОСТИ» И ЕЁ МОТИВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА

Владимир Антипов

В современной литературе понятие собственности представлено большим числом противоречащих друг другу определений и рассуждений. Мы предлагаем нашим читателям сравнить позицию журнала «Прорыв», изложенную в данной статье, с некоторыми другими мнениями.

1. Юридическое определение «собственности» из любого Юридического словаря.
2. Определения из учебников («Вводный курс по экономической теории» <http://www.bibliotekar.ru/biznes-64-2/53.htm>)
3. Мальтузианская концепция (<http://www.soclexicon.ru/malthus-malthus-tomas-robert>)
4. Сравнение взглядов Мальтуса и Ломоносова (А.С.Мелешкова, С.А. Толкачёв <http://www.kapital-rus.ru/index.php/articles/article/195003>)
5. Современная апологетика частной собственности (<http://www.usoff.narod.ru/>)
6. Связь фашизма и частной собственности (книга Иоахима К. Феста, «Адольф Гитлер» (Том 2) http://fictionbook.ru/author/ioahim_k_fest/adolf_gitler_tom_2/)

I К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ И СУЩНОСТИ ЯВЛЕНИЯ «СОБСТВЕННОСТЬ»

Для постижения сущности категории «собственность» необходимо исходить из того, что явление, обозначаемое словом «собственность», в его специфических человеческих формах, исторически, не могло возникнуть в порядке абсолютно оригинального социального изобретения, например, неандертальцев или синантропов, а было перенесено в человеческую психику и практику из его животного прошлого и под влиянием повседневных примеров жизни мира животных. Иначе говоря, поскольку, в биологическом смысле, не животные произошли от человека, а наоборот, человек постепенно выделился из животного мира, выдавливая из своей природы наиболее животные качества и дополняя рефлекторно инстинктивный аппарат психики понятийным аппаратом, постольку необходимо, руководствуясь строго научными принципами, четко отделять то, что является в личности человека и в сущности современного общества экономическим атавизмом от того, что является сугубо человеческим в каждой отдельной личности и в обществе в целом.

В наше время выражение: «ты ведешь себя как животное», воспринимается многими людьми, хотя и не всеми, как оскорбление, обзывающее к перевоспитанию, но распространяющееся далеко не на все области человеческого бытия, в том числе и не на институт собственности. Сегодня не все понимают, что стремление к монополизму или олигархическим объемам частной собственности есть форма атавизма, гипертрофия склонности хомячков создавать запасы за пределами разумных потребностей или склонность волков резать в овчарне всех овец подряд, чтобы удрать лишь с одной овцой.

Институт собственности воспринимается современным большинством как сугубо человеческое, глубоко интеллигентное социальное изобретение. Тем не менее, никуда не деться от того факта, что человеческая история не могла начаться иначе, как в виде очень медленного нарастания в психике прямоходящего млекопи-

тающего сугубо человеческих качеств: сознания, мышления, искусства, сложных эмоций, мистических и политических ритуалов, которые, однако, не могли за относительно короткий исторический срок вытеснить из психики людей инстинкты и фобии, миллионы лет руководившие поведением живых существ и, прежде всего, склонности метить «свою» территорию, категорически не допуская на неё своих ближних.

Если бы не эта истерическая склонность перволюдей - видеть в ближнем своем смертельного конкурента, то ясно, что богу не нужно было бы вводить требование «возлюбить ближнего своего аки себя самого» в ранг важнейшего и трудноосуществимого религиозного императива, до которого сам человек никогда бы не догадался. Обращает на себя внимание и тот факт, что сам бог не сомневается в том, что человек лишь самого себя любит до потери логики. Но даже богу не удалось принудить человечество сменить животную ненависть на любовь к ближнему своему. Странно, что бог не понимал, что провозглашенный им принцип неосуществим при сохранении частной собственности.

Одновременно следует отметить, что легко осуждать все то животное, что до сих пор содержится в психике многих прямоходящих, но перволюдям, имевшим перед глазами лишь примеры из жизни животного мира, было трудно выработать принципы сугубо человеческого мышления и поведения. Да и в наше время, если строго руководствоваться принципами экономикс, сформулированными, например, Г.Мэнкью, то люди вообще никогда не должны были бы очеловечиться и возлюбить ближнего.

До сих пор, вопрос о сущности сугубо человеческого поведения и мышления, остается нерешенным во всей немарксистской философии. В глубокой древности неоднократно предпринимались попытки установления норм человечности от имени богов, но сами люди, периодически, отвергали эти нормы вместе с богами, священниками и храмами, вышедшими из моды, чтобы огнем и мечом навязать себе... новые нормы мистической нравственности, новых священников и храмы. Забавно читать философские труды авторов, солидаризирующих с религиозными учениями о божественном происхождении человека, о его подобии богу, о материальном мире как эманации абсолютной идеи высшего духа и, в то же время, превозносящих Мальтуса и Фрейда, объясняющих многие общественные процессы и поведение человека животными

рефлексами и инстинктами.

Иначе говоря, многие сегодня упускают из виду, что существу, приобретающему вторую сигнальную систему, предстояла, как показала практика, изнурительная работа: «перекодировать» всю свою систему рефлекторных, инстинктивных реакций и ассоциаций на язык научных определений сущности явлений, причинно-следственных связей и, на этой новой основе, сформировать вербально оформленные понятия и **мировоззрение**. Образно говоря, человеку предстояло перейти от преимущественно «аналогового» метода обработки информации, к «цифровому» методу, отказаться от форм и объемов присвоения, продиктованных рецепторами желудка, к нормам потребления, продиктованным объективными законами достижения счастья. Большинству людей это не удалось и они стремятся сделать свое потребление пропорциональным размерам своей собственности, а собственность увеличивать для того, чтобы ещё больше увеличить свое потребление. Поэтому вполне закономерно, что в самых развитых рыночных странах живет наибольшее количество людей, соревнующихся с лучшими породами свиней по толщине подкожного жира. Они непрерывно поглощают растущие объемы пищи, тратя все больше средств на борьбу с ожирением, диабетом и на пластические операции по всему их необъятному, растекающемуся телу.

Тем не менее, окружающий мир, представляющийся животным лишь в его съедобных или несъедобных, нейтральных, безразличных или угрожающих ипостасях, постепенно приобретал в несовершенном ещё сознании «первочеловеков» массу оттенков и рефлексий, полутонов и намеков, подтекстов и идиом, истин и заблуждений, правды и лжи. Было в чем запутаться. Библейская сказка о том, что на определенном этапе своего развития человек увидел в своем нагом отражении на воде совсем не то, что миллионы лет видели животные на водопое, действительно, как и во многих других случаях, списана с натуры. Но даже в этой сказке ещё не человек дрессировал змея, а змей обучал человека искусству познания и коварства. Не мы научили обезьяну хмуриться или смеяться, а она нам подарила некоторые готовые мимические формы реакции на события и явления. Но, в отличие от обезьяны, человек способен детально, в словесной форме описать причины и гнева, и веселья, что и лежит в основе всех драматических и комедийных произведениях.

Ясно, что перевод ВСЕГО мира явлений,

рефлексов и чувств в систему точных, адекватных природе субъективных ПОНЯТИЙ и ИСТИН требовал **времени**. Причем, как показала история, огромного. Следовательно, большую часть человеческой истории сознание людей было вынуждено уповать на животные рефлексы и руководствоваться ими. Поэтому легко понять, что на каждый момент времени сознание человека характеризовалось своеобразным **дуализмом**, конфликтом и сосуществованием **животных** и собственно **человеческих** форм восприятия окружающего мира. Разные пропорции этих противоположных начал и определяли мировоззрение каждого отдельного человека, разделяя человечество на монархов и монахов, на калигул и коперников, на паразитов и их холопов. И поскольку, на текущий момент, человечество более или менее сносно освоило лишь методы **количественного** анализа, т.е. математику, а диалектическая логика (хотя бы в пределах учения идеалиста Гегеля) не освоена человечеством до сих пор, постольку явления комплексные, системные, многофакторные, как, например: общество, счастье, смысл жизни, любовь, необходимость, свобода остаются и не познанными, и поэтому не переведенными на **качественный** человеческий язык, до сих пор. Т.е. качественного скачка в состоянии и степени адекватности понятийного аппарата человечества всё ещё не произошло и потому человечество продолжает топтаться в своей предыстории, не превратив свой субъективный мир в инструмент окончательного очеловечивания всех прямоходящих. Правда, объем научного уровня общественного сознания неуклонно расширяется, но эти знания остаются, пока, достоянием круга узких специалистов, кабинетных экспертов, страшно далеких от народных масс и от массовой практики. В силу этого обстоятельства, множество судьбоносных политических и экономических решений принимается голосованием случайно сложившегося, как показывает практика, некомпетентного и периодически сменяемого большинства.

Отсутствие собственных интеллектуальных авторитетов на ранних этапах развития человечества доказано историей развития религиозных взглядов, в которых, первоначально, боги, практически у всех народов, ассоциировались едва ли не со всеми представителями мира животных, в первую очередь с теми, чьи физические способности превосходили человеческие. Уже одно это позволяет судить о высочайшей степени **авторитета** закона джунглей в психике «хомо сапиенсов» в течение многих тысячелетий. И уж

если сама медицина, направленная на лечение человека, до сих пор не пренебрегает экспериментами, поставленными на животных, то совершенно ясно, что, скорее, к сожалению, чем к счастью, и экономической теории не грех присмотреться к механизмам, обеспечивающим существование мира животных в течение многих миллионов лет, для того, чтобы установить совершенно точно, где кончается экономический атавизм, а где начинается принципиально человеческая практика в вопросах воспроизводства условий человеческого существования.

Особенно парадоксально выглядит проблема соотношения атавизма и человечности в области ноосферы. С одной стороны, только человек способен формировать ноосферу, а с другой стороны, подавляющее большинство продуктов интеллектуального труда так же подвержено хищническим формам потребления, как и материальные объекты живой природы. Достаточно напомнить, что при наличии сотен миллионов людей, систематически страдающих от голода, только американские ученые, предприниматели и пролетарии создали ракетно-ядерный потенциал двадцатипятикратного уничтожения всего живого на Земле. Уровень интеллектуального развития человечества достиг такого пункта, при котором, благодаря разделению умственного труда, успешно решается масса частных задач, но не решаются наиболее общие задачи, порожденные объективным отличием общества от стада. Современные развитые рыночные страны тратят гигантские научные силы на борьбу с алкоголизмом и наркоманией, не выделяя средств на поиски научных ответов на вопрос о причине роста алкоголизма и наркомании в обществе. В силу такого подхода, обществоведение ещё не скоро выйдет в рыночных странах из состояния младенчества по сравнению с геометрией, механикой, химией.

А поскольку археологические и этнографические исследования бесспорно установили факт повсеместного, планетарного распространения каннибализма, то совершенно ясно, что значи-

тельный отрезок своей истории человек проделал в рамках примера, почерпнутого именно из животной среды, особенно у «царей» природы, для представителей которых освоение мира равнялось исключительно выявлению степени съедобности его элементов, в том числе и представителей одной с «царем» группы. Несъедобные явления, будь то «болдинская осень» или факт плавучести некоторых предметов, не имеющие значения для немедленного удовлетворения голода и жажды, тысячелетиями не вызывали ни малейшего интереса как в среде животных, так и в среде большинства прямоходящих млекопитающих.

Поэтому, для многих прямоходящих сторонников «законов джунглей», ничего загадочного в

частной собственности быть не должно, поскольку наиболее безопасной формой, подтверждающей необходимый характер частной собственности, является факт ПОТРЕБЛЕНИЯ индивидом продуктов питания. Тут меньше всего остается недосказанности относительно того, закончилась или не закончилась история предмета «для себя», и не началась ли его история в виде предмета абсолютно недоступного для других. **Ясно, что поедание чего-либо**

есть самая категоричная и бескомпромиссная, первородная форма превращение предмета в собственность.

Однако все исторические сложности в понимании сущности частной собственности возникли именно потому, что многие исследователи в простой животной форме частной собственности не замечают, что потребление продукта питания одним существом, делает данный потребленный продукт недоступным для всех других существ.

В экономической литературе для иллюстрации простоты проблемы частной собственности и капитала частенько используется пример камня, присвоенного первобытным человеком. Однако этнографические исследования доказывают, что каменному «веку» предшествовал деревянный, а деревянному предшествовал самый длительный, в истории человечества, «век» со-

бирательства, в котором, присвоение предметов природы происходило преимущественно в форме немедленного потребления. Ясно, что сбор и поедание личинок и корнеплодов, не требовал коллективных усилий. Они потреблялись в частном порядке. Т.е. длительность эволюции семей человекообразных в общества, в значительной мере, определяется достаточно поздним переходом наших предков к использованию «посторонних» предметов, например, камня, в качестве средства производства (вместо зубов и ногтей). Современные этнографические исследования, проведенные, например, в центральной Австралии, показали, что аборигены, живущие на уровне деревянного «века», при изготовлении бумерангов, деревянных «металок», копий и «копалок» используют, исключительно, ногти и зубы. Т.е. им пока неизвестны иные «орудия труда» кроме физиологических. Но орудия для охоты и собирательства в данную эпоху производятся строго персонально и, следовательно, являют частной собственностью, недоступной даже для членов племени, поскольку после смерти владельца-изготовителя они кладутся в его могилу.

Короче говоря, большую часть своей истории человек если и брал что-то в руки, то только съедобное и для того, чтобы немедленно отправить «это» в **собственный** рот, особенно в неблагоприятный для выживания период.

Из этого следует, что момент **потребления**, а тем более, усвоения предметов потребления, является не только моментом **присвоения**, но и, одновременно, моментом **отчуждения** средств существования одним индивидом от другого. **Присвоение** наиболее рационально можно понять лишь как **отчуждение** чего-либо от всех остальных членов общества.

Разумеется, что большинство современных теоретиков в своих трудах «не видят» этой, второй неотъемлемой стороны всякого индивидуального присвоения, поскольку условия получения нобелевской премии и университетской зарплаты в рыночных условиях исключают объективный подход при исследовании явлений экономики. Однако даже недипломированный мелкий предприниматель знает, что, например, частная **земельная собственность** может прирастать исключительно за счет превращения некогда свободных частей суши в территорию, **недоступную** для других претендентов. Земельная форма собственности настолько императивна в своем отрицании всех остальных при-

моходящих млекопитающих, что породила... изгороди, заборы, крепостные стены, великую китайскую стену и мировые войны по поводу раздела уже поделенных территорий.

Логика отношений людей по поводу принадлежности хозяйственных угодий лежит и в основе превращения орудий добывания пищи, орудий охоты в боевое оружие, предназначенное исключительно для уничтожения конкурирующих претендентов. Коса превратилась в алебарду, рыбацкий гарпун в копье, а изгородь вокруг земельного участка развилась в города-крепости, в великие египетскую и китайскую стены, в линии Мажино, Маннергейма, Арпада, стену между современными Израилем и Палестиной, между современными США и Мексикой.

Потребление продуктов питания есть самая первородная, естественная форма превращения суверенных предметов природы, «вещь в себе», в предмет, усвоенный человеком, превращенный, в известной мере, в кровь и плоть самого человека.

В нормальных природных и общественных условиях, при которых доступ к средствам существования гарантирован, картинка поедания чего-либо кем-либо является фактом, не вызывающим у других индивидов никаких острых переживаний и глубоких размышлений.

Однако достаточно индивидам попасть в экстремальную ситуацию, связанную с ограниченностью еды и питья, чтобы, как показали многочисленные реальные случаи, с большинства индивидов мгновенно слетал налет цивилизованности, неагрессивного, разумного поведения, склонность к необременительной интенсивности труда сытого человека. В условиях отсутствия достаточного количества средств существования и неблагоприятной, в этом отношении, перспективы, одни индивиды начинают испытывать величайшую неприязнь к другим индивидам, монополюльно потребляющим скудные ресурсы. В подобных ситуациях в сознании индивидов возникает не просто ярость, как это бывает у животных, а осмысленное желание убить. В некоторых штатах благословенной Америки до сих пор на границах земельных владений стоят таблички с лаконичными текстами: «Частная собственность. Стреляю без предупреждения». В рыночной экономике даже дети очень рано начинают понимать, как жестко связаны трудности выживания индивида с его отчужденностью от наличествующих средств существования.

II МОТИВАЦИОННЫЕ ПОТЕНЦИИ ОТНОШЕНИЙ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Большая часть современных экономистов в своей научной, преподавательской и публицистической деятельности руководствуются **постулатом**, который утверждает, что частная собственность в рыночной экономике есть стимул, доказавший свою эффективность не протяжении всех тысячелетий писаной истории и победивший в противоборстве со всеми иными формами собственности.

Однако, как показали опросы, многие из современных экономистов не знают, как переводится слово стимул с древнегреческого языка на русский. Между тем нужно обладать высокой степенью научной недобросовестности, чтобы стимул, т.е. ПАЛКУ, пытаться представить как благородный, достойный человека побудительный мотив к действию. Если исходить из исторического значения слова стимул, то забавно выглядит перевод главного принципа бихевиоризма, рожденного философией позитивизма: «Стимул – реакция», т.е. «Палка – реакция». Кто бы в стаде стал спорить?

Но, апеллируя к стимулу как к основному средству повышения мотивации, теоретики масштаба Г.Мэнкью не замечают, что опускают человека до уровня животного, поддающегося дрессуре, для которого палка, действительно, важнейший побудительный мотив. Подобные теоретики выдают атавизм за важнейший, если не единственный, способ вовлечения людей в общественно полезный производственный процесс на условиях, выгодных организаторам производства, т.е. владельцам средств производства. Если же учесть, что палка, порождает, прежде всего, чувство страха, то приходится признать, что важнейшим побудительным мотивом в системе частной собственности и является страх. Могут, конечно, сказать, что в современном словоупотреблении под стимулом понимается, прежде всего, материальная заинтересованность. Но страх и является сегодня порождением материальной заинтересованности инди-

видов в условиях дефицита рабочих мест и, следовательно, высокой степени вероятности остаться без средств существования. Именно такой вид материальной заинтересованности и подхлестывает людей на трудовые «подвиги» в системе частной собственности. Но такова уж психология рабов и овец и с этим быстро ничего не поделаешь.

Короче говоря, частная собственность воспринимается многими её поклонниками в качестве мощного стимула, поднимающего интенсивность труда человека до высших уровней, недоступных при других способах мотивации трудовой деятельности человека.

Кроме того, частную собственность зачастую характеризуют как форму, наиболее соответствующую природе демократии. Но при этом обходится вопрос о том, что частная собственность являлась основой не только рыночной демократии, но и демократии классического **рабовладения** эпохи античности и эпохи становления англо-американской демократии. На самом деле, единственным существенным отличием института частной собственности древней и современной демократии состоит в том, что древнее **право** распространяло принцип частной собственности и на самого человека, а в современном **праве** не предусмотрено положение, разрешающее применять принцип частной собственности по отношению к человеку, что, однако, не отменяет возможности возникновения рабских отношений между людьми на практике. **Важно ведь не то, что порок предусмотрен положениями статей уголовного кодекса, а чтобы не было ни самого порока, ни социальных предпосылок к его возникновению.** По крайней мере, в Конституции США и в известном Билле о правах нет положения, прямо запрещающего рабство, но есть положения, разрешающие превращать земли коренного населения Америки в частную собственность белых «американцев». Поэтому в реальной действительности при рыночной демократии можно наблюдать не только случаи трудового рабства «гастарбайтеров», но и семейного, и сексуального рабства, и людоедства, как формы превращения одного человека в безусловную собственность другого человека.

Иными словами, юридические демократические нормы имеют право на существование, но, как свидетельствует всемирная тысячелетняя юридическая практика, нет и не может быть такого писаного закона, который бы сам фактом своего существования исключал то, что

называется преступлением против человечности в его рабовладельческих формах.

Как известно, невозможно пренебречь, а тем более, нарушить законы физики, например, закон сохранения материи или закон Ома в силу их независимости от сознания. Но юридические законы формулируются и принимаются субъектами, во-первых, в меру их испорченности, очень часто, в меру недообразования, а во-вторых, и, как правило, как раз для того, чтобы, по возможности, узаконить применение силовых методов замедления развития тенденций, противоречащих уже господствующим социальным нормам. Именно поэтому в современной Америке, где, по слухам, особенно хорошо работает правовое государство, тюрьмы переполнены, и она держит первое место в мире по данному показателю. Т.е. чаще всего юридические законы играют консервирующую роль, обеспечивая существующим общественным институтам и социальным нормам, до поры до времени, защиту от нарождающихся эволюционных тенденций.

Одной из основных причин активности тюремно-правовой системы в условиях системы частной собственности является неизбежность массового бытового воровства со стороны большинства людей, лишенных, по тем или иным причинам, частной собственности. Без посягательства на чужую частную собственность доступ миллионов людей к средствам существования в системе частной собственности - невозможен. Именно этим объясняется постоянный рост производства бронированных дверей, стальных сейфов, средств сигнализации, травматического и боевого оружия. Идиотизм сложившейся системы правовых отношений в цивилизованных странах состоит в следующем. Чтобы на многие годы иметь постоянную крышу над головой, бесплатное питание, телевизор и интернет, необходимо... украсть что-либо достаточно ценное, при отягчающих обстоятельствах. В этом случае, посягнувшему на чужую собственность, на многие годы обеспечено теплое жилье, одежда по сезону, здоровый образ жизни, твердый распорядок дня, занятия спортом, свидания с родственниками и даже возможность заработать некоторое количество денег.

В цивилизованных странах очень сильно и сво-

образно развиты адвокатура, «лобби» и ими много делается для того, чтобы выработать надежные и безопасные методы обхода юридических норм или принять законы, которые бы прямо соответствовали потребностям строго определенного социального слоя. Например, законы о банкротстве делают владельцев банков практически неподсудными даже в такой ситуации, когда банкротство осуществлялось с целью присвоения средств вкладчиков.

С установлением на территории бывшего СССР демократического рынка, огромное количество людей превратилось в обманутых вкладчиков, дольщиков, пайщиков, гастарбайтеров, бесправие которых практически ни чем не отличается от беспра-

вия рабов древнего Рима в период его расцвета и поэтому в демократической РФ преступность не просто растет, но организуется, интернационализируется, изощряется и огрубляется одновременно.

Однако, строго говоря, найти сегодня глубоких, конкретных, обширных теоретических исследований на тему о частной собственности, её фундаментальных свойствах и объективных законах функционирования, не просто. Подавляющее большинство экономистов считают вопрос о свойствах и эффективности частной собственности как института рыночной демократии настолько очевидным, что они не видят ни малейшей необходимости зани-

маться им сколь-нибудь предметно.

Как уже упоминалось, наиболее часто используемым доводом в пользу данного постулата, является утверждение о том, что невозможно предположить наличие более сильного мотива, чем интерес, порожденный чувством частного собственника. Дескать, только относясь к вещи как к своей, человек согласится затрачивать свой труд на совершенствование объекта собственности и способ его использование, поскольку знает, что все результаты и продукты его усилий будут оставаться в его полном распоряжении и, чем выше интенсивность затрачиваемого им труда, тем большее количество продуктов труда поступит в распоряжение обладателя собственности.

Под частной собственностью, чаще всего, подразумевают сами предметы и средства труда находящиеся в производственном и личном потреблении. Образно говоря, словосочетание частная соб-

ственность понимается большинством обывателей и экономистов рыночной ориентации как форма максимально любовного отношения человека к вещи, использование которой приносит владельцу ощущение глубокой удовлетворенности и прибыль. Отсюда и проистекают трогательные конституционные формулировки статей о священном и неприкосновенном характере частной собственности.

Однако Робинзону, оказавшемуся на необитаемом острове, совершенно излишне обзаводиться сейфами для своих золотых монет и составлять завещание на случай своей внезапной кончины. Ясно, что на необитаемом острове Робинзону некому оставлять свою собственность в наследство.

Правда, Робинзону пришлось строить изгороди против коз и ставить пугала против птиц для защиты и охраны своих средств существования. Робинзону приходилось принимать такие меры, которые ИСКЛЮЧАЛИ доступ иных потенциальных потребителей к средствам существования Робинзона. Причем, Робинзон не ограничивался пассивными средствами защиты. Когда же он обзавелся приличным количеством пороха, он начал отстреливать птиц, посягателей на средства его существования.

Таким образом, несмотря на всю ограниченность робинзонады как средства доказательства, тем не менее, она дает возможность рассмотреть вполне состоятельную модель поведения индивида в конкретной ситуации и понять, что потреблять средства существования человек может только в том случае, если сделал их недоступными для другого потребителя, и что понятие собственности приобретает смысл только в ходе реальных отношений между людьми по поводу материальных, духовных и финансовых ценностей.

В современном обществе средства существования не поступают в потребление непосредственно через обмен продуктами личного труда, а лишь через обмен продуктов труда на деньги, поэтому и бумажные деньги, совершенно бесполезные на необитаемом острове превращаются в цивилизованном обществе в средства существования высокой степени дефицитности. Поэтому в обществе люди делают недоступными для других, прежде всего, деньги, что порождает гигантское количество объектов, организаций, учреждений, институтов и приспособ-

лений, начиная с тюрем и кончая сейфами, сигнализацией и т.п. ухищрениями. При посягательстве постороннего лица на любое количество банкнот, допускается применение расстрела из личного оружия, создаваемого и приобретаемого специально для подобных экзекуций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, есть немало оснований для того, чтобы, прийти к выводу, что слово собственность принято в русском языке для обозначения одной из фундаментальных форм отношений, возникающих между людьми по поводу присвоения материальных и идеальных средств существования. Естественно, в других языках это отношение собственности обозначается другим набором букв, но на понимании сущности этой экономической категории данное обстоятельство не сказывается. Гораздо губительнее то, что многие ученые при решении данной научной проблемы заняли комплиментарную позицию.

Отношение частной собственности, в самом важном своем содержательном компоненте, есть форма **отторжения** материальных и идеальных продуктов от всего остального сообщества. Иной вопрос, что, в современных условиях, личность, присвоившая материальные и идеальные продукты, не может сидеть на них, как собака на сене и вынуждена так или иначе, в меру своих способностей, вводить свои средства в рыночный оборот. Но, тем не менее, **право**, сидеть на ценностях, как собака на сене, делает всех остальных людей, не имеющих свободного доступа к жизненно необходимым средствам, фатально зависимыми от капризов, ошибок и злоупотреблений собственников.

Что такое рост массовой безработицы? Это и есть наиболее убедительное проявление частной собственности в условиях экономического кризиса, когда постоянно растущая масса людей категорически **отчуждается** от средств **существования** в результате некомпетентного управления средствами производства и обращения со стороны собственников этих средств.

Декабрь 2011 - февраль 2012

**Редакция журнала
« Прорыв » :**

Мартынов Ю.М.
(главный редактор),
Подгузов В.А.,
Петрова О.Б.,
Лбов А.В.,
Новак В.Т.

Наши контакты:

Почтовый адрес : **109378**
г. Москва, улица Федора
Полетаева, дом 15, корпус 1,
квартира 79, Петровой О.Б.

Электронные адреса:

webmaster@proriv.ru,
petrova@proriv.ru,
kohet@list.ru

Телефоны:

(495) 378-37-59 Петрова О. Б.
(495) 387-16-00 Мартынов Ю. М.

Посетите наш
сайт в Интернете
www.proriv.ru.

Там вы найдете статьи наших авторов в рубриках: экономика, политика, философия, этика, история, военные вопросы, рецензии и критика, политическая публицистика, юмор, а также большую подборку коммунистической музыки, коллекцию ссылок на марксистские издания и библиотеки, листовки по актуальным вопросам, исторические документы и исследования.

На наш журнал и исторический сборник можно подписаться. Для этого нужно написать в редакцию письмо или связаться с ней по телефону, и с этого времени Вы будете получать наши журналы и/или сборники по почте или лично. Цена одного экземпляра журнала или сборника с учетом почтовых расходов 40 рублей.

Редакция работает на общественных началах.

*Рукописи редакцией не рецензируются,
не редактируются, не корректируются
и не возвращаются.*

Цена свободная. Тираж 1000.
Объем 50 стр. формата А4.
Подписано в печать 17.02.12.
Дата выхода в свет 21.02.12.

Зарегистрирован Центральным территориальным управлением Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовой информации. Свидетельство о регистрации ПИ №1-00915 от 20 декабря 2002 г. Учредитель Петрова О.Б.

Адрес редакции: 109378 г. Москва, улица Федора Полетаева, дом 15, корпус 1, квартира 79.

Адрес типографии: 109378 г. Москва, улица Федора Полетаева, дом 15, корпус 1, квартира 79.